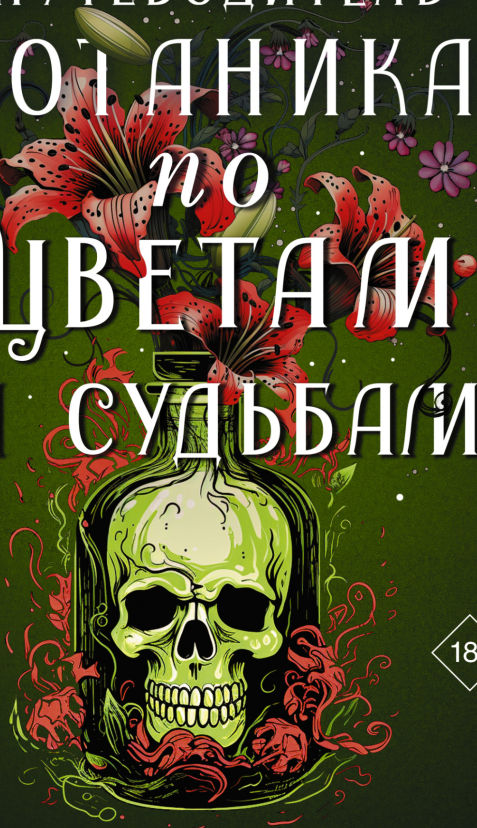

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
БОТАНИКА
по
ЦВЕТАМ
И СУДЬБАМ

18+

КЕЙТ ХАВАРИ

Кейт Хавари
Путеводитель ботаника
по цветам и судьбам
Серия «Тайны Шафран
Эверли», книга 2
Серия «Ядовитый детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70325101
ISBN 978-5-17-155716-4

Аннотация

Лондон, 1923 год. Непростое время для женщины, страстно желающей продвинуться в академических кругах. Но Шафран – девушка необычная. Она уже раскрыла опасное дело о ядах и заодно спасла университет от банкротства, а теперь ей доверили вести собственное исследование! Кажется, все мечты сбылись, но стук в дверь меняет абсолютно все...

В Лондоне объявился серийный убийца: его жертвы – женщины, никак не связанные друг с другом, и единственное, что их объединяет – необычные ядовитые букеты, перевязанные черной лентой. Шафран тут же становится консультантом по делу, ведь на кону человеческие жизни.

Вместе со своим коллегой, доктором Майклом Ли, ей придется отправиться в самое злочное местечко Лондона, где каждый посетитель вызывает подозрение, в роскошный загородный особняк таинственного лорда и в пышную театральную ложу, за портьерами которой рождаются коварные замыслы.

Сможет ли Шафран поймать убийцу до того, как он отправит следующий букет?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	55
Глава 5	66
Глава 6	81
Глава 7	97
Глава 8	108
Глава 9	121
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Кейт Хавари

Путеводитель ботаника по цветам и судьбам

*Посвящается моим родителям, Трейси и Дэвиду.
Спасибо, что помогли найти злодея*

Глава 1

Август

– Эверли!

Торопливый стук колес поезда и внезапный грохот дверей купе показались Шафран столь же резкими, как и мерцающий солнечный свет, пробивающийся сквозь грязные окна. Она взглянула на проплывающий мимо пейзаж.

– Решила вздремнуть? – спросил мужчина, сидевший напротив нее. Его блестящие зеленые глаза светились озорством.

Шафран изо всех сил старалась не обращать внимания на Ли. Это было нелегко, учитывая, что кроме них двоих в крошечном купе никого не было, а Ли был из тех, кто прекрас-

но умел как очаровать собеседника, так и вывести его из себя. Даже в невыносимой августовской жаре на его коричневом костюме не появилось ни единой складки; золотистые волосы были уложены назад с помощью помады, аромат которой наполнил и без того тяжелый воздух салона. Шафран, напротив, буквально чувствовала, как ее легкий дорожный костюм прилипал к спине и ногам. К счастью, соломенная шляпа скрывала ее темные волосы, такие же влажные от пота.

Девушка встала, чтобы приоткрыть окно, надеясь тем самым отвлечь внимание Ли от себя: он смотрел на нее как на свою игрушку. За грязным окном простирались полосы розового вереска, цветущего на зеленых равнинах, и ряды темных деревьев.

Не успела она коснуться пальцами в лайковых перчатках щеколды, как поезд резко дернулся. Тишину пронзил металлический визг тормозов. Шафран, с трудом удержавшись на ногах, уперлась руками в окно. Она опустила глаза – Ли держал ее под локоть.

– Мы прибыли, – сказал он.

Шафран убрала блокнот в сумочку и перекинула ее через плечо, а затем последовала за Ли по узкому коридору, к выходу на перрон.

Поезд непрестанно шипел, пока они шли по скромной бетонной платформе, единственным украшением которой была табличка, извещавшая о том, что они прибыли в Олдер-

шот. Вскоре состав укатил прочь, оставив после себя звенящую тишину. Мгновение спустя их окружил хор насекомых, и Шафран оказалась на пустой проселочной дороге, окруженной полями, вместе с доктором Майклом Ли.

Он достал из кармана сложенный лист бумаги и прищурился – ему стоило обзавестись очками, затем посмотрел прямо перед собой.

– Должно быть, прямо за поворотом.

Шафран поджала губы. Дорога тянулась по меньшей мере на милю¹, что вперед, что назад.

Ли ухмыльнулся.

– Образно говоря. – Он приподнял соломенную панаму и указал ею на юг. – Полагаю, нам туда.

Шафран не удержалась и сморщила нос.

– Ты полагаешь?

– Да. В отчете сказано к югу от станции.

Шафран уже чувствовала, как по мере роста температуры росло и ее раздражение. Пот выступил у нее на шее.

– А с картой ты не сверялся?

Ли вздохнул.

– Все произошло в последнюю минуту, знаешь ли. Мне сообщили, что мы едем сюда, сегодня утром, когда я только пришел в северное крыло.

– Две недели назад в случае с Тейдон-Маунт было так же. И все же я нашла время свериться с картой, – парировала

¹ 1 миля равна приблизительно 1,6 километра.

Шафран.

Возможно, для Ли заблудиться в Хэмпшире было незначительным неудобством, но для мальчика, помочь которому их сюда и послали, это могло иметь куда более серьезные последствия.

– Так-так, не стоит переживать, – сказал Ли успокаивающе, отчего Шафран еще больше захотелось его придушить. – Похоже, мы спасены от бесконечных блужданий по сельским полям. – Он указал вниз по дороге на приближающуюся повозку.

Они отошли на обочину, и Ли поднял руку, чтобы подать знак человеку, управляющему повозкой, – крепкому мужику в грубой одежде, с потрепанной шляпой на голове, скрывавшей смуглое лицо и тревожные глаза.

– Вы и есть те ребята, что должны приехать из города проведать мальчишку Эвансов? – Мужчина натянул вожжи, заставив старую лошадь остановиться.

– Мы самые, – кивнула Шафран. – Не подскажите, в какую сторону нам идти?

– Я приехал за вами, – ответил мужчина. – Хорошо, что вы здесь. Местный доктор и палец о палец бы не ударил, негодяй этакий. Я работаю на Эвансов. Забирайтесь.

Не сказав ни слова, Ли забрался на заднее сиденье телеги и подал Шафран руку. Они разместились на двух ящиках, наполовину зарытых в сено, причем Ли все время постукивал пальцами по своему черному футляру. Дорога бы-

ла недолгой, но ухабистой, и вскоре они подъехали к старому фермерскому дому, расположенному в тени массивного дуба.

Ли спрыгнул с телеги на грязный двор и помог Шафран спуститься. Здоровый и неповоротливый возница повел их прямо в дом. Едва переступив порог, он снял шляпу и позвал:

– Миссис Эванс? Я привез людей, прибывших к нам из Лондона.

Послышался женский голос, но слов Шафран не разобрала. Ли бросил шляпу и перчатки на маленький столик возле двери, но девушка не последовала его примеру. На любезности, как правило, времени у них не было, так что, вероятнее всего, уйдут они совсем скоро.

Они последовали за мужчиной в глубь дома, по пути Шафран рассматривала скромное старое здание. Стоял беспорядок, но грязно не было; детские игрушки были разбросаны по скрипучему деревянному полу, местами устланному истертыми коврами.

Шафран вошла в гостиную в глубине дома, где Ли уже стоял на коленях возле дивана. Он осматривал маленького ребенка, лежавшего на руках у светловолосой женщины ненамного старше двадцатитрехлетней Шафран. Ребенок, с виду лет семи, спал. Лицо женщины было бледным, но решительным, она наблюдала за Ли с ястребиной проницательностью, пока он задавал вопросы.

– Как давно Джоуи болен, миссис Эванс? – спросил Ли мягко, открывая свой черный докторский саквояж и вынимая маленький футляр, в котором хранил стетоскоп.

– Эйб нашел его на рассвете, когда вышел проверить овец, – ответила миссис Эванс напряженным голосом. – Мой сын лежал в поле, его всего трясло. Эйб принес его прямо сюда. Я не... – Она вздрогнула, отводя взгляд от Ли, который прикладывал стетоскоп к груди мальчика. – Я не заподозрила ничего такого, когда не увидела его в кровати – он любит вставать по утрам с петухами, собирает яйца у кур.

По щекам миссис Эванс потекли слезы, она еще крепче обняла сына.

– Джоуи, мальчик мой, посмотри сюда, – попросил Ли; голос его был ободряющим, но Шафран понимала, что ему это давалось непросто. Ли повесил стетоскоп на шею и достал футляр с офтальмоскопом. Джоуи не реагировал, и Ли осторожно приподнял его веки.

После беглого осмотра Ли опустил веки мальчика. Он поймал взгляд Шафран, стоявшей в дальнем углу комнаты:

– Зрачки расширены.

Миссис Эванс повернулась к Шафран, на ее изможденном лице читалось замешательство.

– Миссис Эванс, я Шафран Эверли, коллега доктора Ли из Университетского колледжа Лондона². Прежде чем он нач-

² Университетский колледж Лондона – элитное учебное заведение, находящееся в центре Лондона и входящее в состав Лондонского университета. Знаменит

нет лечить вашего сына, я должна выяснить, что именно так действует на него. — Не дожидаясь, пока с лица женщины исчезнет выражение недоумения, Шафран продолжила: — Что он трогал или ел?

— Не знаю. — Миссис Эванс поморщилась. — Я не знаю, а он не просыпается. Но его так сильно трясет, и он... он улыбается.

— Улыбается? — резко переспросил Ли.

— Да, — прошептала миссис Эванс, прижимая ладони к лицу сына. — Но перестает, когда судороги проходят.

Ли резко встал и подошел к Шафран, стоявшей в углу.

— Эверли, — пробормотал он, — я мало чем могу помочь, пока припадки не прекратятся. Могу дать ему барбитурат от судорог, но это рискованно, он едва дышит. Ему нужно в больницу.

— Где ближайшая?

— Не могу сказать точно. Но тебе лучше поскорее выяснить, что же он съел.

— Знаю, — ответила ему Шафран раздраженно. Страх в ее груди нарастал.

— Доктор? — стонущим голосом позвала миссис Эванс. Когда Ли и Шафран повернулись, она крепко прижимала Джоуи к груди. Мальчик дрожал, его глаза закатились, а на плотно сжатых губах появилась ужасная издевательская ухмылка.

своими выпускниками, многие из которых стали лауреатами Нобелевской премии.

ка.

– Боже милостивый, – прошептала Шафран.

В мгновение ока Ли пересек комнату и стал освобождать мальчика из объятий матери, разговаривая с ним мягким и успокаивающим тоном.

В голове Шафран пронеслись сотни мыслей. Вспоминались предыдущие случаи, истории, которые она вычитала в медицинских журналах и книгах о лекарственных растениях. Увидев перекошенное, больше напоминающее гримасу лицо Джоуи, Шафран оцепенела. Ноги вдруг стали ватными.

Ли вернул ее к реальности, окликнув по имени.

– Иди! – пробормотал он, после чего вернул все свое внимание к трясущемуся мальчику.

Шафран побежала, ноги несли ее в то единственное место, где от нее была польза, – на улицу, чтобы выяснить, кто или что сотворило это с Джоуи Эвансом.

– Мисс, – позвал фермер, когда они вышли на солнечный свет, заливавший передний двор.

Шафран остановилась, стягивая с рук лайковые перчатки.

– Да?

– Я могу показать, где нашел его, если хотите, – предложил он.

– Да, спасибо. – Шафран натянула тяжелые рабочие рукавицы из натуральной кожи и еще раз осмотрела двор. Кругом была сплошная грязь, сквозь толщу которой лишь несколь-

ко сорняков умудрились высунуть маленькие головки. Она посмотрела на фермера, который, наблюдая за ней, вертел в руках свою шляпу. Смесь сомнения и беспокойства на его лице заставила ее голос прозвучать резче, чем она хотела:

– Как вас зовут?

– Авраам Грант. Друзья зовут меня Эйб.

– Что ж, Эйб... – Шафран попыталась улыбнуться ему, но ее лицо было таким же застывшим, как у Джоуи. – Покажите, где вы его нашли.

Они прошли через двор и вышли на соседнее поле.

– Есть здесь змеи? – предварительно спросила Шафран.

– Здесь уже много лет не видели гадюк. Овцы в основном отпугивают их.

– Какие-нибудь ядовитые пауки? Насекомые, на которых у Джоуи аллергия? – Девушка ожидала услышать отрицательный ответ на оба вопроса, но спросить было нелишне, поскольку она была уже по колено в траве.

– Ничего такого не припомню, – ответил Эйб. Он указал вперед: – Вот здесь. Если бы не пиратский платок у него на голове, я бы его и не заметил. Красный.

Они остановились возле ограды из грубо обтесанного дерева, длинная трава вдоль которой была выкошена. Шафран опустила свою сумку рядом. Начав с ближайшей к указанному Эйбом месту территории, она стала обходить ее, постепенно расширяя зону поиска примерно на полметра. Работы предстояло много, осмотреть нужно было каждое растение.

Через десять минут Шафран уперлась в сплошную высокую траву, среди которой затесались вереск да парочка полевых цветов. Девушка выпрямилась, отряхнув юбку и поправив шляпу.

Она открыла было рот, чтобы задать следующий вопрос Эйбу, как вдруг их внимание привлек крик из дома.

– Сейчас вернусь, мисс, – пробормотал Эйб и побежал по высокой траве.

Шафран достала платок и промокнула им лоб. Она разочарованно вздохнула. Поиск виновных в случайных отравлениях – нелегкая работа, но этот конкретный эпизод напоминал поиск иголки в стоге сена, если бы стог был разбросан на мили и мили заросших фермерских угодий.

К сожалению, существует множество растений, вызывающих конвульсии. Смертоносный паслён, наперстянка, лобелия кардинальская, ягоды жимолости, дурман вонючий – вот если бы она раньше заполучила отчет доктора Астера об этом случае! Взглянуть бы хоть глазком, узнать про ядовитые растения, которые водятся в вересковых пустошах.

Каждое потерянное мгновение вело к тому, что неизвестные химические вещества проникали все глубже и глубже в хрупкий организм Джоуи.

Шафран не стала ждать возвращения Эйба. Возможно, он уже повез Ли, миссис Эванс и Джоуи в больницу, а она так и останется стоять тут без дела, чувствуя полнейшую безысходность.

Шафран сняла куртку и повесила ее на забор, затем закинула сумку на плечо и принялась за дело, не отрывая глаз от земли.

Время двигалось как-то странно, пока она искала растения в поле. Только она, пейзажи и цель – найти то что нужно. Солнечное тепло проникало сквозь одежду. Пот струился по спине и стекал по лбу. Шафран не обращала на это внимания, перебирая в уме названия каждого растения, попадавшегося ей на глаза; время от времени она с удивлением останавливалась, заметив цветок или траву, которые не узнавала, и надеясь, что ее незнание не приведет к чьей-нибудь гибели. Она не замечала, как перемещалось солнце по небу, как далеко она ушла от дома.

Эта работа сильно отличалась от точно выверенного процесса выращивания различных видов растений в университетских теплицах. Девушка с благодарностью вспоминала часы, проведенные с отцом в деревне за изучением всех цветов, которые встречались им на пути. Однако по-настоящему глубокими и признанными в ученых кругах ее знания стали только после колледжа.

Ноги несли ее все быстрее и быстрее, страх того, что ее некомпетентность приведет к смерти Джоуи, нарастал. Если они не узнают, чем он отравился, ему могут дать неверное лекарство, которое, возможно, лишь усугубит ситуацию и ухудшит его состояние.

Шафран споткнулась о кучу камней, скрытых в высокой

траве, и упала на землю, застонав от боли.

Словно очнувшись от транса, девушка огляделась и поняла, что находится уже не в поле, а на краю скрытого русла ручья с журчащей водой. Она настолько увлеклась происходящим, что потеряла представление о том, где находится.

Левая лодыжка ныла от боли, стоило ею пошевелить.

– Вот дьявол! – пробормотала девушка. Она осторожно поднялась, но колени ее тут же подкосились при виде того, что находилось в двадцати метрах от нее.

Толстым ковром вдоль ручья лежали маленькие ажурные белые цветочки, пучками растущие над листьями папоротника. Красивые и безобидные для тех, кто не имеет представления об отраве, таящейся в каждой клетке этого растения.

Если бы у нее не пересохло во рту еще раньше, то пересохло бы сейчас. Сколько раз отец предупреждал ее, чтобы она не строила из себя всезнайку, наткнувшись на дикую морковь или пастернак? Сколько овец и коров свалилось, попробовав то или иное растение лишь раз?

И вот он, растет так же беззаботно, как и любой полевой цветок.

Травмированная лодыжка не позволяла ей идти быстрее, хоть и хотелось броситься вперед и начать искать любые следы смятой травы. Сломанный стебель, обнаженные корни, раздавленные цветы. Болиголов был одним из самых ядовитых растений, произрастающих в Англии. Даже малая его

часть могла навредить Джоуи.

Искать долго не пришлось: полые внутри, два стебля ближайшего кустарника были сломаны. Сорвав их, она обнаружила, что, судя по белым корням, это был омежник шафранный — вид болиголова, который был столь же ядовит, как и его более известные сородичи. По покрытым грязью придаткам было ясно, что прозвище «пальцы мертвеца» было вполне заслуженно.

Шафран завернула сломанные стебли и корни растения в кожаный мешок, который взяла с собой, и отправилась в обратный путь, держа образцы на расстоянии от себя. Навредить это растение могло не только попав в пищу.

Вскоре вывихнутая лодыжка начала гореть; не успела Шафран дойти до полей, окружавших дом Эвансов, где земля была не такой рыхлой и идти стало бы легче, как нога начала болеть сильнее, невыносимо пульсируя в месте травмы.

Шафран остановилась у ограды, прислонившись к столбу, и вытерла лоб платком. Насекомые за деревьями напевали свои мелодии. Высокая трава под порывами долгожданного ветерка переливалась зелеными и золотистыми цветами. Но покоя и умиротворения Шафран это не приносило. Нетерпение заставляло ее мышцы двигаться.

Она заметила силуэт мужчины, только когда тот оказался уже рядом.

Шафран было вскочила, но больная лодыжка дала о себе знать, и девушка вскрикнула от боли.

– Ли! Нельзя вот так подкрадываться в безлюдном месте. Я могла принять тебя за кого угодно.

Ли наклонился вперед, подняв руки в притворной капитуляции:

– Сама виновата, что оказалась в этой глуши. Ты вела свои поиски в радиусе почти мили от дома. Я целую вечность тебя искал.

– Почему именно ты пошёл меня искать? – Шафран снова оперлась о столб, чтобы легче было стоять. – Ты же должен быть в больнице с Эвансами?

– Ближе всех оказалась военная база в нескольких милях вниз по дороге. Эйб привез меня, чтобы забрать тебя. – Он кивнул на растения, которые она поставила на землю на безопасном расстоянии от себя. – Смотрю, тебе повезло. Что это?

– «Пальцы мертвеца», – ответила Шафран, глядя на растение. – Я увидела, что стебель сломан. Похоже, его использовали как трубочку, чтобы стрелять горошком, – стебли полые. Не факт, что это был Джоуи, но...

– Это разновидность болиголова? – перебил ее Ли, с любопытством изучая ажурные цветы. – Как с фотокарточек, что ты показывала мне перед приездом сюда.

– «*Oenanthe crocata*», он же омежник шафранный. Принадлежит семейству сельдерейных, как и растения, известные как болиголов. – Она прошлась платком под копной тяжелых волос на затылке, напекавших, как грелка. – Я должна

была догадаться сразу. Его ухмылка, искаженное лицо – этого должно было быть более чем достаточно. А ручей – идеальное место для распространения этих растений. Но любой деревенский житель знает, что такое болиголов. Ранней весной меня не выпускали из дому, пока я не запомню, как он выглядит.

Ли улыбнулся ей.

– Тебя растил ботаник, Эверли. Из рассказа миссис Эванс, я узнал, что мальчик по полдня оставался без внимания. После гибели мистера Эванса на войне она вела ферму самостоятельно, только Эйб и помогал ей.

Шафран прикусила губу. Ужасное положение для всей семьи. Миссис Эванс, несомненно, будет мучить чувство вины. И чудо, что Джоуи вообще выжил после контакта с болиголовом, но долго ли продлится это чудо?

Шафран сделала пару шагов вперед, желая вернуться и поскорее сделать все возможное в своих силах – теперь, когда растение было обнаружено и идентифицировано. Но лодыжка резко заняла от боли, и девушка поморщилась.

В три прыжка Ли оказался рядом.

– Что случилось?

– Ничего, – выдавила из себя Шафран.

– Не играй в эти игры с доктором. – Он оглядел ее с ног до головы и нахмурился. Должно быть, она опустила ногу на землю, потому что поморщилась от боли сильнее прежнего, как ни старалась это скрыть. – Лодыжка?

Нехотя Шафран ответила:

– Просто небольшое растяжение.

– Даже небольшое растяжение связок доставит немало неудобства, если идти целую милю. Я бы сказал, что ногу надо осмотреть, но здесь жарко, как в аду. Давай я помогу.

Отклонив все ее протесты, Ли подставил свою руку, чтобы она могла опереться, и говорил с ней всю дорогу до фермерского дома. Он не торопил ее, в то время как Шафран старательно делала вид, что ничего страшного не случилось, несмотря на сильную пульсацию в лодыжке.

– Благодаря тому, что мальчик читал газеты, чтобы практиковаться в чтении, они и узнали об исследовании, – сказал Ли. – Он прочел объявление и заикнулся об этом Эйбу вчера. Очевидно, мальчонка следовал за ним по пятам по всем полям в округе, как маленький подражатель.

Шафран представил себе Джоуи, энергичного, всюду сущего свой нос и тем самым раздражающего окружающих мальчишку, и на глаза навернулись слезы. Она смахнула их.

Ли похлопал ее по руке.

– Будет тебе, Эверли. Мы проделали хорошую работу. Расскажем врачам, и они поймут, что нужно делать. Если повезет, Джоуи скоро встанет на ноги и снова будет ко всем приставать.

Шафран не могла сказать, что согласна с оптимистичным прогнозом коллеги, поэтому просто промолчала. Она едва удержалась на ногах, наступив в небольшую ямку, и Ли,

схватив ее за руку, крепко прижал к себе. От него исходило тепло, как, в общем, и от нее. Шафран подняла на него глаза, когда он помог ей поймать равновесие. С этого ракурса профиль его лица казался благородным; широкий лоб и прямой нос, не слишком длинный и не слишком короткий. Выдающийся вперед подбородок был гладко выбрит, высокие скулы порозовели от жары. Бисеринка пота грозила стечь по его виску. Из каждого их дела она выходила неряхой с солнечными ожогами и мокрой от пота, а он был образцом опрятности. Поэтому было приятно видеть его сейчас не столь идеальным.

Когда он удивленно поднял бровь в ответ на ее пристальный взгляд, она спросила:

– Почему местный врач не навестил Джоуи?

– Миссис Эванс незамедлительно попросила его приехать, но, очевидно, у них имеется давний неоплаченный долг, из-за которого доктор не лечит никого из семьи Эвансов. – Ли понизил голос, будто рассказывая секрет, хотя кругом не было ни души: – У миссис Эванс все равно не было бы денег заплатить ему, а вот стипендия от исследования может помочь. Я поговорил с врачом в военном лагере, чтобы убедиться, что счет Джоуи будет оплачен. Это небольшое письмо оказалось убедительным.

Облегчение, которое Шафран почувствовала, сменилось беспокойством. Письмо из университета, объясняющее суть их работы, было полезным, но оно ничего не гарантирова-

ло. Компенсация, причитающаяся жертвам отравления взамен на то, что им с Ли позволят взять у них образцы и собрать информацию, станет слабым утешением, если мальчик не поправится.

Но их работа была выполнена, или, по крайней мере, так сказал бы ей доктор Астер. Они сделали то, что должны были сделать. И Шафран вовсе не была бесполезной, даже если именно так себя и чувствовала, — она обнаружила растение-виновника. Эти мысли не давали ей покоя всю дорогу к фермерскому дому. Из-за недавно полученных знаний о тающихся опасностях, затаившихся в оттенках зеленого, розового и коричневого, мир теперь казался куда менее идиллическим, чем раньше.

Глава 2

Когда Шафран и Ли вошли в кампус, в Университетском колледже Лондона стояла послеобеденная тишина. Лишь в самом сердце учебного заведения – во внутреннем дворе, имевшем форму четырехугольника, – раздавался едва слышимый суетливый шум, похожий на колыбельную песню. Высокие, с каменными лицами здания, казалось, дремали под пылающим голубым небом. Зеленая листва затеняла углы внутреннего двора, где вдали от света на клумбах росли цветы. Шафран чувствовала себя сродни этим растениям: круглый год они жаждут солнца, хоть и страдают от жары. На протяжении вот уже нескольких недель поглощенная столь долгожданной работой, она и сама поникла, как цветок.

Все еще опираясь на руку Ли, Шафран проделала весь мучительный путь к Северному крылу, представлявшему собой величественный коридор, примыкавший к куполообразной центральной части кампуса, зданию Уилкинса. Она остановилась перед блестящей черной дверью, вытирая лоб, готовясь пройти три лестничных пролета, отделявших ее от мягкого дивана в кабинете.

Когда Ли многозначительно прокашлялся, она втянула воздух сквозь зубы и попыталась открыть дверь. Он не двинулся с места, прижав девушку к себе:

– Я очень ценю, что ты приносишь и хранишь свои гряз-

ные образцы на нашем рабочем месте, Эверли, но предпочел бы держаться от *этого* подальше.

Шафран опустила взгляд на руку, которой все еще сжимала кожаную сумку. В своем стремлении не дать Ли понять, как сильно болит лодыжка, она совсем забыла о болиголове, который уже начал чахнуть.

Ли вырвал сумку из ее рук.

– Отнесу ее в теплицы, ладно? Пусть Уинтерс с этим разбирается.

Он ушел прежде, чем она успела возразить. Толкнув дверь, преодолевая боль в ноге, Шафран вошла в тихий, прохладный холл. Ее неровные шаги громким эхом отдавались на пустой лестнице. Было время, когда она скучала по толпам студентов и профессоров: тогда она еще была юной девушкой с горящими глазами, с волнением предвкушающей студенческие дни, но это время давно прошло. Теперь же она дожидаться не могла летних каникул. Чем меньше людей было в кампусе, тем меньше было поводов для слухов о девице, которая избавилась от заведующего кафедрой, посадив его в тюрьму за попытку убийства.

На самом деле все было несколько иначе, но Шафран была не против прославиться тем, что отправила в тюрьму таких монстров, как доктор Беркинг и его жуткий коллега, выдававший себя за Ричарда Блейка. Но жизнь стала проще, в колледже воцарилось спокойствие, и у Ли было меньше поводов отвлекаться. Мужчина и без того страдал рассеянно-

стью, лишняя пустая болтовня вокруг была ему ни к чему.

Шафран отперла дверь своего кабинета и, войдя, прикоснулась к маленькой латунной табличке, на которой было гордо выведено «Ш. Эверли». Еще два шага, и она прикусила губу от облегчения, опустившись на прохладную кожаную поверхность дивана. В поезде она отказалась снимать ботинок, несмотря на ужасный отек, а сейчас, скидывая куртку, думала только о том, чтобы избавиться от него. Девушка поморщилась, ненароком коснувшись солнечных ожогов на руках. Она осторожно поставила ногу на подлокотник дивана, опустила голову на другой и мысленно поблагодарила небеса за то, что в данный момент кабинет принадлежит только ей.

Хотя она делила это помещение с Ли практически с того самого дня, когда получила ключи, все же оно принадлежало ей. В конце концов, оно находилось в Северном крыле, где располагался факультет биологии, включавший и ботанику, а не в одном из многочисленных новых зданий, которые университет приобрел для медицинских исследований, и не в больнице через дорогу. Ли занимал ее пространство лишь временно. И занимал его довольно громко. И неряшливо. Стол его, маленький и обшарпанный, располагался в небольшом алькове, который она мечтала однажды заставить полками с книгами исключительно для своих исследований. По части неорганизованности Ли не уступал доктору Максвеллу, ее наставнику. Однако Шафран никогда не брала на себя труд приводить за него в порядок груды книг и папок.

Те дни, когда она сортировала документы, готовила чай и делала заметки для своих коллег, давно прошли.

В данный момент в кабинете с белеными стенами и панелями из темного дерева было на редкость спокойно, хоть и немного душно. Шафран с тоской посмотрела на два окна за своим столом – прочным и массивным, куда больше, чем у Ли, – и подумала было допрыгнуть туда и открыть их. Слишком много труда, решила она, поглубже устраиваясь на диванных подушках. Как всегда, ее внимание привлекли ростки зелени на подоконнике: маленькие черенки в пробирках, которые она достала из шкафа; признаться честно, некоторые из них были опасны.

Губы ее изогнулись в улыбке, когда взгляд заскользил по угловатым листьям, растущим из ядовито-желтой лозы в центре подоконника. У нее появилась странная привязанность к этому растению, шолотлю, наверное, потому, что та напоминала ей о человеке, с которым она пережила непростые недели в недалеком прошлом.

В кабинет постучали, Шафран откинула голову на подлокотник и уставилась в матовое стекло двери. Ради Ли она уж точно не встанет – тем более было не заперто. Когда стук раздался снова, Шафран, застонав, села лицом ко входу.

– Ради всего святого, открой сам. Не стану я ради тебя вставать, ты ленивая...

Слова застыли у Шафран на языке, когда дверь распахнулась и на пороге оказался инспектор сыскной полиции Грин.

– Инспектор! – воскликнула Шафран, вставая на ноги.

Детектив стоял в дверях, держа шляпу в руках. Он ничуть не изменился за эти несколько месяцев, что прошли с тех пор, как она изводила его своими идеями о Беркинге и Блейке: аккуратно уложенные каштановые волосы средней длины над испещренным морщинами лицом. Единственным намеком на неординарность этого человека был проблеск ума в карих глазах. Сейчас эти глаза были прищурены и, как показалось Шафран, весело глядели на нее.

Неловко встав, Шафран направилась к двери.

– Прошу меня извинить. Я подумала... Ну, не важно. Входите!

– Не утруждайтесь, – вежливо ответил инспектор, входя в кабинет и оглядываясь по сторонам. – Насколько я понимаю, вас можно поздравить с недавним повышением. Мне сообщили, что вы теперь научный сотрудник факультета ботаники.

– Да, благодарю. – Превозмогая боль, Шафран пересекла комнату и села за свой стол. Она жестом попросила инспектора сесть напротив, что он и сделал.

– Я слышал, доктор Максвелл взял отпуск на неопределенное время? – ненавязчиво задал вопрос детектив.

Шафран порой все еще бросало в дрожь, особенно когда она входила в северное крыло, погруженная в свои мысли, и, оказываясь перед дверью Максвелла, вспоминала, что ее кабинет находится чуть дальше по коридору.

– Да, так и есть. Я не знаю точно, когда он вернется в университет. – Стряхнув легкую печаль, Шафран добавила: – В рамках аспирантуры я занимаюсь фитотоксикологией, или, иначе говоря, ботаническими ядами. Сейчас мы работаем с одним доктором над более детальным изучением воздействия некоторых местных растительных токсинов.

– Похоже, это исследование очень важно, – ответил инспектор Грин.

Шафран не сдержала улыбки. Работа и правда была важной, даже если порой казалось, что это так же бесполезно, как латать дыры на тонущем корабле. Девушка была уверена, что на каждый исследованный ими случай приходились сотни других. Доктор Астер, заведующий ее факультетом, никогда не говорил им точно, сколько сообщений об отравлениях они получают, лишь передавал, в каких случаях они могли бы помочь.

Шафран беспокоило, что она не до конца понимала механизм, позволявший им с Ли своевременно получать сообщения об отравлениях, не считая их объявлений об исследовании в газетах, распространявшихся в окрестностях Лондона. Но она знала, что лучше не выпытывать информацию у своего известного немногословием заведующего факультетом.

Когда они с Ли начинали свою работу шесть недель назад, она еще не отошла от дела Беркинга и Блейка. Суд проходил в спешке, чтобы успеть отправить экспедиционную команду университета в Бразилию, поэтому Шафран тогда разрыва-

лась между своим новым исследованием и подготовкой к даче показаний против людей, пытавшихся отравить ее, Александра Эштона и супругу руководителя экспедиции. Ее роль в заседании оказалась совсем не такой, как она себе представляла, и теперь, спустя несколько недель, Шафран чувствовала, что уже слишком поздно просить Эстера объяснить некоторые непонятные ей детали научных изысканий, которые были поручены ей и Ли. Это было не столько одно полноценное исследование, сколько подборка конкретных случаев. Ли занимался предполагаемыми жертвами отравлений растениями, а Шафран искала природных виновников по полям и садам. Они вместе собирали образцы, затем составляли доклад и анализировали собранное и представляли отчет Эстеру. Она не искала новые виды растений, а Ли не открывал новые методы лечения пациентов, но оба помогали попавшим в беду и получали при этом интересный опыт работы в полевых условиях.

Шафран должна была признать, что ей было приятно получать такое внимание к своим наблюдениям от нового заведующего факультетом ботаники, в отличие от прежнего похотливого профессора. Даже если к этому прилагался коллега, которого она не ожидала и не хотела видеть рядом с собой.

Шафран благодарно улыбнулась инспектору Грину.

– Исследование действительно познавательное. Но прошу вас, расскажите мне, что привело вас сюда?

Инспектор задумчиво наклонил голову.

— Полагаю, вы помните, что после того, как мы завершили наше предыдущее дело, наш эксперт по ядам из Скотленд-Ярда вас не особо впечатлил. Припоминаю ваши точные слова: вы бы проделали ту работу куда лучше. — Шафран покраснела, но инспектор продолжил: — Я не могу заменить этого человека, но в моих силах искать другие решения, когда необходимо. Мне поручено одно дело, мисс Эверли, и мне нужна ваша помощь.

От последних слов у Шафран отвисла челюсть. Должно быть, это шутка. Инспектор неоднократно возмущался тем, что она вмешивалась в его расследование, и даже несколько раз предупреждал ее не лезть. Он не мог сказать такое всерьез.

Не успела Шафран ответить, как инспектор достал из кармана папку, открыл ее и протянул ей несколько фотографий.

— Что вы об этом думаете?

На глянцевых снимках был изображен букет в хрустальной вазе на полированном столе. На других кадрах цветы были крупным планом.

— Букет? — недоуменно спросила Шафран. — Ну...

Она принялась изучать черно-белые изображения. Первое, что бросилось ей в глаза, был длинный стебель какого-то растения, свисающий с края вазы, на котором рос небольшой круглый плод, который мог спокойно поместиться между большим и указательным пальцами. Корона на верхушке

незрелого плода указывала на то, что это было не что иное, как гранат.

Пучок мелких соцветий под гранатовой ветвью напоминал лютики – похожие цветы Шафран искала на полях, окружавших поместье дедушки, соревнуясь с отцом в том, кто быстрее найдет идеальный цветок. Необычный выбор для букета, да еще и в городе, и не в последнюю очередь потому, что в ее родных местах это неприметное растение входило в список ядовитых. *Ranunculus acris*³ в их исследованиях еще не встречался, вероятно потому, что мало кто стал бы его есть, учитывая его неприятный едкий вкус, за что лютик и получил свое название.

Рядом с ним в вазе возвышался высокий пучок пестрых колокольчиков, тяжело свисавших на одну сторону. Это был *Digitalis*, он же наперстянка.

По рукам пробежала колючая дрожь. Инспектор Грин занимался расследованием убийств. Вероятно, этот букет связан с одним из них. В это было не сложно поверить, учитывая, насколько ядовиты были цветы, составлявшие букет.

Шафран взяла следующую фотографию, крупный план которой подтверждал, что маленькие округлые цветы были лютиками. Однако присмотревшись внимательнее, она заметила кое-что странное в их стеблях. Шафран достала из ящика стола лупу и внимательно изучила снимок.

– Эти стебли были не просто срезаны, но еще и надрезаны.

³ *Ranunculus acris* (лат.) – лютик едкий (прим. пер.).

Любопытно.

– Почему же?

– Лютики – цветы довольно милые, но их сок вызывает раздражение. Я слышала старые истории о людях, просивших милостыню у богатых: чтобы вызывать сочувствие, они симулировали кожные заболевания, используя сок лютиков. Порезы на стеблях, кажется, сделаны преднамеренно. Значит, отправитель... – Шафран неуверенно подняла глаза на инспектора.

– ...намеревался причинить вред получателю.

Возникла пауза, во время которой Шафран наконец собралась с мыслями.

– Такой букет просто в магазине не купить. Наперстянка – достаточно распространенный цветок для композиций, но вот эти лютики скорее полевые цветы, а ветка граната... Никогда не встречала гранат в букетах.

Инспектор Грин достал из своей папки еще одну стопку фотографий.

– А эти?

Шафран бегло просмотрела снимки. На них были изображены пышные туберозы и нежные цветы рододендрона кустового. Она перемешивала и вертела изображения, дабы составить более ясную картину, и наконец, сменив угол зрения, она заметила мрачный на вид цветок, который знала слишком хорошо.

– Аконит?⁴ – подняла глаза Шафран, и инспектор кивнул в ответ.

Унылые колокольчики цветка аконита стояли рядом с другим не менее знакомым неприятным растением. Широкие, сердцевидные листья *Urtica dioica*⁵ были покрыты крошечными волосками, которые, по словам Ли, при прикосновении цеплялись за кожу человека, оставляя на ней красные пятна. Однажды к ним поступил вызов с жалобой на воспаление кожи, возникшее в результате непреднамеренного контакта с такой же жгучей крапивой.

Шафран назвала инспектору Грину каждое растение, после чего он попросил:

– Не могли бы вы это зафиксировать на бумаге, пожалуйста?

Не выпуская увеличительного стекла, Шафран записывала составляющие букетов, задержавшись на крапиве. Ее не могли включить в композицию, не предупредив отправителя, что она опасна. Закончив, она протянула листок инспектору Грину, который собрался было уже уйти, как вдруг Шафран промолвила:

– Инспектор?

– Да?

Они долго смотрели друг на друга, прежде чем девушка, набравшись смелости, спросила:

⁴ Aconite (лат. Aconitum) – борец клобучковый (прим. пер.).

⁵ Urtica dioica (лат.) – крапива двудомная (прим. пер.).

– Те, кто получил эти букеты, были убиты?

– Да.

Шафран старалась не выдать своего любопытства.

– Как они умерли? Их отравили?

– Причиной смерти в обоих случаях была асфиксия, – отстраненно ответил инспектор. – В первом – странгуляционная⁶, во втором – обтурационная⁷.

– О! – Шафран удивленно моргнула. Не это она ожидала услышать.

Инспектор молчал. Когда пауза затянулась, он, прочистив горло, сказал:

– Без сомнения, это весьма необычно. Я узнал аконит благодаря вашим показаниям по делу Беркинга и Блейка и подумал, что цветы могут иметь какое-то значение, поскольку они присутствовали на местах обоих убийств. Я решил, что вы могли бы пролить на это свет. К примеру, где преступник мог достать эти растения?

Шафран задумалась, снова изучая фотографии.

– Оба инцидента произошли на этой неделе?

– Нет, первый случился две недели назад, двадцать восьмого июля. Второй двумя днями позже.

– Так... – Шафран анализировала даты, размышляя, по-

⁶ Странгуляционная асфиксия – состояние кислородной недостаточности, вызванное сдавливанием петлей (или иным предметом) или руками, повешением.

⁷ Обтурационная асфиксия – состояние кислородной недостаточности, вызванное закупоркой дыхательных путей инородным телом, утоплением, а также намеренным закрытием носа и рта.

чему инспектор ждал почти две недели, чтобы спросить ее о букетах.

– Все эти растения легко найти, – сказала она ему. – Они цветут в эту пору и в основном растут в садах, например рододендрон. На самом деле он тоже ядовит. Мед из цветов рододендрона погубил легионы греческих солдат две тысячи лет назад⁸. И это весьма забавно, поскольку другая армия совершила ту же ошибку несколько сотен лет спустя⁹.

Шафран уловила легкое изумление на лице инспектора Грина и прервалась. Она с трудом сдерживала волнение. Эта беседа непосредственно касалась того, над чем девушка работала, но сейчас речь шла об убийстве, поэтому нужно было быть осторожнее.

Выпрямившись и сложив руки перед собой на столе, Шафран спокойно сказала:

– Ядовитые растения не редкость даже в тщательно ухо-

⁸ В 401 г. до н. э. древнегреческий полководец Ксенофонт возглавил десяти тысячную армию, состоявшую из греческих наемников. По пути из Персии он разбил лагерь в Понте (северо-восток Турции), где его воины нашли и съели большое количество меда из рододендрона. Поскольку он ядовит, солдаты Ксенофонта внезапно впали в безумие, испытывали мучительные физические страдания. Для некоторых это закончилось летальным исходом.

⁹ Во время Третьей Митридатской войны (73–63 до н. э.) римский полководец Гней Помпей Магнус проходил со своим войском по этой же местности. На этот раз враги Помпея целенаправленно оставили на их пути отравленные соты. Полакомившись токсичным медом, армия из тысячи римских солдат стала небоеспособной. После отравления они попали в засаду и были разбиты Митридатом VI.

женных садах. Многие не понимают, сколько опасностей у них перед носом. Этот человек мог срезать большую часть цветов для букетов в саду или купить их в магазине. Кроме крапивы, поскольку только тот, кто знаком со старинными рецептами лекарств, стал бы выращивать ее специально. – Когда инспектор с любопытством поднял бровь, она добавила: – Крапива покрыта трихомами – особыми игольчатыми волосками, которые выделяют химические вещества-раздражители, проникающие под кожу, но кроме того они используются для изготовления лекарств от боли в суставах и мочегонных средств.

Инспектор Грин достал свой блокнот и, делая записи, уточнил:

– Итак, мы ищем человека, который иногда заходит в цветочный магазин или имеет доступ к саду. Возможно, даже к саду с лекарственными травами. Что-нибудь еще?

– У того, кто составил такой букет, должно быть поблизости и гранатовое дерево, пропажи целой ветки с которого никто бы не заметил. – Шафран чувствовала, будто хватается за соломинку. Ей хотелось дать инспектору что-то более конкретное. – Я не смогла бы доказать, что цветы из одного сада, даже если бы у меня была возможность увидеть их лично, поскольку они разных видов. Думаете, эти букеты составил один и тот же человек?

С лица инспектора исчезла вся жизнерадостность, которую он демонстрировал на протяжении всей беседы.

– Мы не можем доказать, что отправитель один. Однако черные ленты, которыми были перевязаны цветы, полностью идентичны. – Он встал, уже менее серьезный. – Тем не менее пока ничего определенного. Позвоните в отдел или приходите, если что-то придет в голову. Я ценю вашу помощь.

Разочарованная тем, что оказалась не полезнее справочника по цветам, Шафран поспешила спросить:

– Можно оставить фотографии себе хотя бы на пару дней?

Инспектор Грин кивнул и взял список цветов. Шафран встала и проводила его до двери, где они пожали друг другу руки, после чего мужчина ушел.

Глава 3

Ли вошел в офис через несколько минут после того, как инспектор скрылся в коридоре. Он сел на диван, положив руку на его спинку, и выглядел при этом так расслабленно, будто сидел там уже несколько часов.

– Кто это был?

– Мой старый коллега, – беспечно ответила Шафран, осторожно возвращаясь к своему рабочему столу. – Просто зашел спросить совета.

– По учебе?

– Нет. – Она перевернула одну из фотографий, наслаждаясь своим преимуществом. Ли было любопытно, она это знала.

– О, хочешь, чтобы я поиграл в детектива? – лукаво улыбнулся Ли. – Хорошо, я все разгадаю! Ты не работала за пределами университета, насколько мне известно. С виду твой посетитель – рабочий человек, так что он определенно не один из университетских спонсоров. Может, вы вместе трудились на добровольных началах? На благочестивого святошу он не похож, так что он явно не служитель церкви. Он пробыл здесь не более часа, меня не было столько же, и принес тебе кое-что, что лежит у тебя на столе. И ты все время на это смотришь, – торжествуя закончил Ли.

Шафран положила локти на стол, чтобы заслонить фото-

графии.

– Ну ладно, Шерлок, и какие выводы? Кто мой таинственный коллега?

Ли потер подбородок с притворной сосредоточенностью.

– Я бы сказал... что этот человек – полицейский.

Шафран в удивлении разинула рот.

– Как ты узнал?

Ли рассмеялся.

– Я встретил его в холле по дороге сюда. – Шафран поджала губы. – Ну, и чего он хотел? Тебе кто-то наскучил, и ты подсунула ему один из своих ядовитых образцов? Тебя бросят в тюрьму?

– Как я уже сказала, он пришел проконсультироваться со мной, – ответила Шафран с подчеркнутым достоинством.

– Принес что-нибудь интересное?

– Ничего, что могло бы заинтересовать тебя. – Она пролистнула пару бумаг, чтобы отвлечься от фотографий. Ли посмотрел на нее с подозрением, но ничего не сказал.

«В этом и заключается проблема нашего партнерства», – мысленно ворчала Шафран, листая свой блокнот. Она ожидала гораздо менее вовлеченного коллегу, которого бы встречала раз или два в неделю, а не мужчину, который все время торчал в ее кабинете, роясь в ее книгах и бумагах, и делил с ней воздух в и без того душной комнате. Девушка бросила на него суровый взгляд, а Ли едва сдерживал улыбку, листая один из своих медицинских учебников.

Минут пять Шафран украдкой бросала взгляды на фотографии, надеясь, что Ли не смотрит, но наконец сдалась.

– Ну хорошо. Иди посмотри, что он принес.

В одно мгновение Ли оказался рядом с улыбкой до ушей.

– Если ты настаиваешь.

Шафран показала ему фотографии и описала таинственные букеты. Ли рассматривал их под лупой, низко склонившись, полностью пренебрегая ее личным пространством. По крайней мере от него хотя бы приятно пахло.

– Я не знаю и половины этих цветов, – сказал он наконец, выпрямившись и опираясь бедром о ее стол. – Даже под твоим чутким руководством я смог бы распознать только розу. К слову, я отправил изрядное их количество многим достойным девицам. – Он подмигнул, на что Шафран лишь закатила глаза. – Полагаю, розы – лучший выбор, особенно если предназначены подходящей женщине. Правильного сорта, разумеется. Впрочем, красные бутоны могут быть опасны, и я не о шипах говорю. Красный цвет говорит о любви слишком громко. В юности я как-то совершил подобную ошибку. Кажется, ее звали Люсиль, и она была девушкой высшего сорта, скажу я вам...

Шафран давно перестала слушать. Розы символизировали любовь. Ну а розмарин, конечно, воспоминания. Ей легко запомнился отрывок из Шекспира: *«Вот розмарин для вас, он – чтобы помнить. Молю, любовь моя, не забывай. А вам – фиалки, чтоб мечтать»*. Эти строки заставили Шафран

задуматься о предназначении каждого цветка в букете.

– Пойду в библиотеку, – пробормотала она, прервав воспоминания Ли о его прошлой спутнице жизни.

– Что, сейчас? Зачем?

– Хочу кое-что посмотреть, – непринужденно ответила она, собирая вещи.

– Тогда я тоже могу пойти.

Боль в лодыжке ничуть не уменьшилась, но гораздо легче было не обращать на нее внимания, когда нечто настолько увлекательное заняло все мысли. Шафран и Ли прошли через пустой холл, соединявший северное крыло со зданием Уилкинса, в котором находилась библиотека. В Галерее Флаксмана, имевшей восьмиугольную форму и располагавшейся в фойе, было абсолютно тихо. Пылинки зависли в затхлом воздухе под высоким потолком, неподвижные, как и мраморная статуя, возвышавшаяся в центре зала.

Они прошли в библиотеку через стеклянные двери; внутри, казалось, было прохладнее. В длинном зале, заставленном высокими стеллажами, было так же спокойно, хотя за столом сидела кучка исследователей, задержавшихся после занятий. Ли последовал за Шафран туда, куда они довольно часто навевались, – в небольшую секцию ботаники, расположенную в задней части помещения.

– Я думал, мы ищем что-то интересное, – простонал Ли и поплелся дальше.

Шафран пробежалась глазами по названиям книг, кото-

рые за годы учебы выучила практически наизусть. Нет, здесь нет ничего, что могло бы помочь. Она задумалась, где ей отыскать книги по этикету, если таковые вообще имелись в университетской библиотеке.

Девушка направилась в секцию социальной литературы и там нашла то, что искала. Небольшая книга одиноко стояла на нижней полке. Называлась она, как показалось Шафран, довольно лаконично: *«Цветы: их язык, поэзия и чувства»*. В ней говорилось: *«Ни одно произнесенное вслух слово не в состоянии передать ту изысканность чувств, которую можно прочесть в своевременно подаренном цветке»*.

Шафран отнесла книгу на ближайший стол и разложила перед собой фотографии. В ясном, голубоватом свете, падающем из ближайшего окна, она принялась составлять примечания к каждому цветку в букетах, руководствуясь толкованиями, представленными в энциклопедии.

С каждой страницей композиции, составленные преступником, приобретали всё больший – и весьма волнующий – смысл. Лепестки цветов таили тревожную историю. В блокноте Шафран записала:

Букет первый, странгуляция:

Лютик – стремление к богатству или ребячество;

Наперстянка – неискренность;

Гранат – тщеславие или глупость.

Шафран перешла к следующему букету и обнаружила, что цветы в нем были подобраны не менее тщательно.

Второй букет, обтурация:

Тубероза – опасное удовольствие или сладкий голос;

Рододендрон – опасность или возбуждение;

Аконит – вероломство;

Крапива – клевета или жестокость.

Покусывая кончик ручки, она задумалась над второй строчкой. Некоторые цветы имели двойной смысл, но возможно, подразумевался лишь один из них. К делу об убийстве «опасное удовольствие» подходило гораздо больше, нежели «сладкий голос».

Шафран с трудом верилось, что кто-то увлекается флориографией¹⁰ – ее популярность угасла несколько десятилетий назад; однако необычное сочетание цветов намекало на вполне определенное значение, так что эти букеты никак не могли быть собраны случайно.

– Не нравятся цветы? – спросил Ли, заставив Шафран вздрогнуть. Он опустился на стул напротив нее.

Нахмурившись, девушка провела рукой по блокноту.

– Если верить викторианской традиции тайных посланий при помощи букетов, то да, не нравятся. Не лучший выбор.

Не спрашивая, Ли взял у нее блокнот и положил перед собой, чтобы прочесть.

– М-да, не самый удачный, – заключил он, вернув записи Шафран. – Ну что, тогда вернемся?

¹⁰ Флориография (или язык цветов) – символика различных цветов, используемая для выражения чувств и настроений.

– Куда? – спросила девушка, собирая вещи.

– В кабинет, Эверли, – куда же еще.

Она покачала головой.

– Нет, нужно поискать другие справочники. Я не уверена, что в этой книге приведены исчерпывающие толкования.

– Что? Уходишь изучать эти гадкие букеты? А как же наше исследование? – Зеленые глаза Ли смотрели скептически. – А твоя лодыжка? Ты едва можешь ходить.

Чувство вины чуть было не закралось в сознание Шафран, но они сделали для Джоуи Эванса все что могли, а лодыжка прекрасно заживет и так, если сильно ее не напрягать, то хуже не будет. Доктор Эстер ждал доклад до завтрашнего дня, но им можно заняться и утром. Невозможно сосредоточиться на чем-то другом, если предстоит расследовать убийство.

– Элиза, я дома! – крикнула Шафран, входя в квартиру.

– Да, дорогая, я так и поняла, когда ты хлопнула дверь, – ответила Элизабет, высунув голову из кухни. Светлые, песочного цветы волосы ее соседки было уложены идеальными волнами, темно-красная помада на губах была безупречна, несмотря на поздний час.

– Денек не удался, да?

– Если учесть, что в Олдершоте мальчик отравился болиголовом, – Шафран сделала паузу, скидывая пыльную шляпу и перчатки на маленький столик у входа, – и что скорее всего завтра я не смогу ходить, то да, я бы сказала, что день

не из приятных.

Поиски в области флориографии оказались бесплодны: ни в одном букинистическом магазинчике, куда она заходила, ни в публичной библиотеке не нашлось ничего о цветах, не говоря уже о старомодном способе общения при помощи них, и вдобавок она едва не расплакалась, пытаясь сесть в автобус с поврежденной лодыжкой. Шафран сдалась и вернулась домой, расстроенная, но не разочарованная.

– Даже не представляю, – посочувствовала Элизабет. Резко насторожившись, она спросила: – Ли ведь не с тобой?

– Он остался в университете. Ты в безопасности от его непреодолимого очарования.

Элизабет фыркнула и скрылась на кухне. Оттуда послышался ее приглушенный голос:

– Не стоит искушать судьбу, вновь сталкивая нас на одной орбите.

Шафран засмеялась и зашагала по коридору, прихрамывая.

– О да! Если два таких метеора встретятся, то по прошествии некоторого времени они непременно взорвутся.

– Этого не избежать, вот увидишь, – ответила Элизабет, когда Шафран вошла в маленькую кухню. – Мы слишком энергичны, мы полны радости жизни. Он – харизматичный доктор, и я – гламурная поэтесса. Столько индивидуальности в одном целом – не представляю.

Шафран подавила смех. Когда Ли и Элизабет впервые

оказались вместе в одной комнате, результаты были просто поразительными, если говорить точнее, то у Элизабет выработалась мгновенная, необъяснимая неприязнь к этому человеку. Ли вел беседу чрезмерно учтиво, что лишь сильнее раздражало подругу.

– Не обращай на него внимания. Угадай, кто сегодня появился на пороге моего кабинета?

Элизабет в полном изумлении слушала рассказ Шафран о букетах и их предполагаемом значении.

– Не могу сказать, что удивлена тем, что он обратился к тебе за помощью, – сказала Элизабет, подойдя к раковине, где начала чистить картофель. – Всем известно, что все зеленое и ядовитое – это твоя специальность. – Элизабет бросила на подругу мрачный взгляд – она не слишком обрадовалась, узнав, что Шафран решила продолжать изучать яды. Затем ухмыльнулась. – Молодец, дорогуша!

Шафран встала, чтобы помочь ей приготовить ужин, но Элизабет указала на дверь:

– Тебе с твоей ногой нужно отдохнуть, если хочешь и дальше заниматься этим делом. К тому же в твоей комнате лежит письмо. Ты удивишься, когда узнаешь имя адресанта.

Шафран согласилась, зная, что на кухне от нее толку сейчас не будет. Домашнее хозяйство вела Элизабет – ее лучшая подруга по жизни и соседка по квартире с тех пор, как они вместе приехали в Лондон несколько лет назад. Ее кулинарные способности граничили с гурманством, а пристра-

стие к чистоте – с фанатизмом. Элизабет вела дом за двоих и помимо этого работала секретарем, а в свободное время писала провокационные стихи. Шафран это вполне устраивало: ее способности ведения домашних дел ограничивались умением составлять бюджет для содержания большого дома, утверждать меню и расставлять цветы. Ее мать и бабушка, разумеется, не предполагали, что Шафран будет жить такой жизнью, которую она себе выбрала, – жизнью ученого, обитающего в Лондоне.

В своей уютной спальне Шафран удалось снять сапог с больной лодыжки, при этом обойдясь лишь одним негромким ругательством. Она устроилась на кровати, чтобы осмотреть распухший сустав, но тут же отвлеклась на письма, которые Элизабет положила в изножье кровати.

Она обратила внимание на маленький конверт с ее именем и адресом, выведенными изящным почерком. Шафран была убеждена, что не про это письмо с таким восторгом говорила Элизабет.

Она взяла его в руки, сразу почувствовав, что в конверте всего один или два небольших, но дорогих канцелярских листа, которыми обычно пользовалась ее бабушка. Она открыла его, бегло прошлась по аккуратно написанным строчкам. И вздохнула.

Шафран не знала, чего ожидать, когда несколько месяцев назад решила наконец рассказать своей матери, бабушке и дедушке, виконту и виконтессе Истинг, о своем участии в

деле об отравлении. Ее показания были необходимы, чтобы выиграть дело, – так ей сказали адвокаты обвинения, и она с готовностью согласилась их дать. Она бы не позволила этим чудовищам выйти на свободу или отделаться маленьким сроком всего лишь из страха перед общественным мнением.

Но у ее бабушки было иное мнение. Как-то раз Шафран репетировала свою речь, готовясь к вопросам адвоката, когда вдруг другой адвокат – друг бабушки, мистер Фейзи, – заявился на порог и сказал, что ей достаточно будет написать показания под присягой и они будут зачитаны в суде. Поначалу Шафран было обидно, что бабушка не удосужилась связаться с ней лично, не говоря уже о том, чтобы поинтересоваться ее самочувствием после *отравления*, но затем согласилась. Через неделю ей предстояло начать свое исследование, и она испытала некоторое облегчение от того, что не придется разрываться между судебным процессом и первой самостоятельной работой в качестве ученого.

Это письмо, каким бы коротким оно ни было, стало еще одним напоминанием о вновь возникшей пропасти между ней и ее семьей. Бабушка продолжала уговаривать ее вернуться домой, не понимая, что Эллингтон уже давно перестал быть для нее домом. Единственным человеком, о разлуке с которым девушка жалела, была ее мать.

Шафран сидела, уставившись на письмо, пока в глазах не защипало от язвительных слов. *«Ты доказала свою правоту, – писала бабушка, – ты способна столь же бездарно*

тратить время на пыльные книги и грязь, как и твой отец. Лучшие принеси пользу семье, возвращайся и помоги своей матери».

О такой любящей и заботливой матери, какой была Вайолет Эверли, можно только мечтать. Впрочем ее живая, но хрупкая натура была сломлена душевной болью утраты мужа, которого она потеряла во время Первой мировой войны. После смерти отца Шафран погрузилась в свою страсть – ботанику, а ее матушка – в уединение, будто, спрятавшись, могла скрыться от душевной травмы.

Шафран было больно от осознания, что тогда ее присутствие в Эллингтоне никак не помогло Вайолет. Не поможет оно ей и сейчас набраться мужества выйти из своего заточения.

Шафран неосознанно положила руку на больную лодыжку. Возможно, для матери она и была бесполезна, но не для других. Она помогла поймать двух потенциальных убийц и помешала им украсть деньги из университета, а также смогла определить вредные вещества, которые употребили Джоуи и другие люди. Ее работа не спасала жизни – не то что работа Ли, – но все же это было лучше, чем потягивать чай в гостиной с занудными ухажерами, координировать церковный праздник или вязать. Шафран поморщилась. Она терпеть не могла вязать.

Несмотря на частую переписку, ее мать не знала, чем именно Шафран занималась в университете. Обман был бо-

лезненным, но Вайолет беспокоилась бы, зная она, что дочь работает в полях, выискивая ядовитые растения. Помощь людям – призвание, которое ее мать одобряла безоговорочно. Было время, когда Шафран с уверенностью бы сказала, что ее отец солидарен с ней.

Она отложила письмо в сторону.

Ее взгляд притягивал большой потрепанный конверт из города Макапа, Бразилия. Она провела пальцами по беспорядочным каракулям, оказавшимся ее именем, и осторожно вскрыла письмо.

Сначала Шафран увидела фотографию, сложенную в папиросную бумагу. На фоне разбитого лагеря, окруженного размытыми деревьями, стояла в три ряда группа мужчин. Они серьезно смотрели в камеру, их широкие рубашки и брюки были изрядно изношены и испачканы. Как всегда широкоплечий и подтянутый, доктор Лоуренс Генри непринужденно стоял в центре снимка. Шафран прищурилась, выискивая среди знакомых лиц одного конкретного биолога.

Она нашла его с краю в дальнем ряду. Александр Эштон был почти неузнаваем, его лицо скрывала короткая темная борода. «Как жаль, что в наши дни молодые люди не носят бороду», – подумала Шафран, покусывая нижнюю губу. Выражение его лица было серьезным, как это часто бывало; брови над темными глазами нахмурены, губы сжаты в тонкую линию. Черные непослушные кудри отросли. Она долго рассматривала расплывчатые линии и тени на его лице, за-

тем перешла к остальным деталям. На нем была рубашка без воротника, с глубоким вырезом на груди, галстука не было и подавно. На руке виднелась повязка, хорошо заметная при закатанных рукавах.

Шафран удовлетворенно вздохнула. Эта борода очень шла Александру. Отложив фотографию в сторону, она взялась читать письмо.

23 июля 1923 г.

Дорогая Шафран,

Благодарю за ваше последнее письмо. Я читал его с наслаждением, пока мы плыли вверх по реке в Сантарем, где встречаются реки Тапажос и Амазонка. Приведенная вами цитата из Уолта Уитмена идеально описала то, что я видел вокруг, когда мы преодолевали милю за милей в дикой природе. Наша планета и правда временами пугает своей буйностью и необъятностью, но я чувствую, что начинаю понимать, по словам Уитмена, божественность джунглей. Хотя мы здесь уже девять недель, все деревья, вся живность все лагуны и заливы, что встречались на нашем пути, — лишь капля в море по сравнению с тем, что представляет собой вся Амазонка. Я бы хотел, чтобы вы тоже насладились этим зрелищем.

Шафран улыбнулась при этих словах. Как же приятно было уловить в них что-то нежное.

...Никаких новых ужасов не произошло с тех пор, как Трумонта укусила та змея, о чем я писал в предыдущем письме. Кстати, он полностью выздоровел и присоединится к нам через пару недель, когда мы вернемся из Сантарема. С нетерпением жду возможности передать ему работу, которая в его отсутствие пала на мои плечи. Добыть образцы, которые вы так жаждете получить, и без того непростая задача.

Вам будет приятно узнать, что я нашел половину из них, хотя нет уверенности, что получится привезти их в полном объеме, поскольку собрать образцы мы сможем не ранее, чем за месяц до отправления отсюда. Особенно легко было найти стрихнос¹¹. Многие из наших гидов категорически не разрешали мне прикасаться к его плодам. Похоже, они думают, что я собирался их съесть, так что я выучил на их языках фразу «Я не собираюсь это есть, я не идиот». Но, боюсь, они мне не поверили.

С ее губ сорвался легкий смешок. Его тонкий юмор всегда был непредсказуем.

Из-за большого расстояния и особенностей наших задач в Сантареме я не уверен, как скоро я смогу отправить вам

¹¹ Стрихнос – род растений семейства Логаниевые, включающий в себя деревья и лианы, растущие в тропических областях.

следующее письмо. К тому времени, когда вы будете читать эти строки, мы успеем приехать в город и вновь покинуть его и будем отсутствовать несколько недель. По словам доктора Генри, на этом отрезке пути нас либо убьют во сне (покушаться будут целых три туземных племени), либо на нас нападут какие-нибудь злобные твари. Думаю, он просто взвинчен и измотан из-за всей этой работы с ядами. Я напишу вам, если меня не изувечит ядовитое манго.

Надеюсь, вы довольны успехами в учебе и у вас все благополучно.

Ваш Александр Эштон

P.S.: На фотографии, которую я приложил, изображена наша команда, с которой я буду путешествовать весь следующий месяц. Уверен, вы сразу заметите повязку на руке. Не волнуйтесь, у меня случился небольшой спор с ягуарунди¹² о том, смогу ли я вскарабкаться на его дерево. Очевидно, нет.

Шафран перечитала письмо еще раз, а затем вернулась к фотографии и неприлично долго разглядывала ее.

Когда Элизабет позвала ее ужинать, она аккуратно спрятала письмо в ящик вместе с другими посланиями из Бразилии, а снимок оставила, чтобы вернуться к нему позже. Ка-

¹² Ягуарунди – хищное млекопитающее из семейства кошачьих. По размеру чуть больше домашней кошки.

жется, образ Александра Эштона с мужественной бородой
надолго поселился в ее мыслях.

Глава 4

Два дня спустя Шафран позвонила инспектору Грину из университета, чтобы поделиться своими догадками насчет букетов.

Она вновь обошла все возможные книжные магазины и библиотеки, но ей так и не удалось отыскать хоть один цветочный словарь. Впрочем, даже не имея другого источника для подтверждения своей теории, Шафран могла с уверенностью сказать инспектору, что первый букет, похоже, означает обвинением, а второй – своего рода предупреждение.

«Странно, что цветы прислали перед убийством, – подумала она, поднимая трубку. – Что за убийца предупреждает свою жертву таким необычным способом?»

Девушка сомневалась, стоит ли вообще делиться своей идеей с инспектором Грином, но испытывала вину за то, что предоставила ему так мало полезной информации, когда он обратился за помощью именно к ней.

Шафран попросила соединить ее с полицейским участком и устроилась на табурете, примостившемся в телефонной будке, стоявшей на первом этаже северного крыла. В ожидании соединения она намотала шнур на палец и принялась разглядывать слова, нацарапанные на белой стене озорными руками.

Вскоре в трубке раздался голос инспектора:

– Мисс Эверли, чем могу помочь?

Сделав глубокий вдох, Шафран ответила:

– Знаю, что шансов мало, но я попыталась интерпретировать значения букетов, используя викторианский словарь по флориографии, и похоже, они оба имеют довольно специфические послания.

К будке подошел мужчина, явно желавший сделать звонок. Он был темноволосым и невзрачным и нервно постукивал ногой по черно-белой плитке. Шафран с извиняющимся видом улыбнулась ему.

Немного помолчав, инспектор спросил:

– Что такое флориография?

Разумеется, он подумает, что Шафран сошла с ума, предложив ему столь странную теорию. С неожиданной для самой себя храбростью она приступила к объяснению:

– Эту практику применяли в викторианскую эпоху для передачи посланий через цветы. Сказать что-то напрямую считалось бестактным, вместо этого посылались особым образом составленные букеты.

– Ясно, – задумчиво ответил инспектор.

– Я изучила каждый цветок, и, согласно толкователю, первый букет говорит о богатстве, тщеславии и неискренности. Второй, тот, что с аконитом, кажется, предупреждает об опасности или жестокости. Знаю, все это кажется немного надуманным, но...

Ожидавший мужчина насмешливо фыркнул. Шафран вы-

сунула голову из укромного уголка и устремила на него взгляд.

– Не возражаете? Это личный разговор.

Мужчина, казалось, хотел было возразить, но затем взглянул на наручные часы и зашагал прочь.

Инспектор продолжал говорить, поэтому Шафран поспешила прижать трубку к уху:

– ...согласно цветочному словарю, эти букеты что-то сообщали жертвам.

– Да, – подтвердила Шафран, ощутив лучик надежды от того, что инспектор Грин не стал смеяться над ней. – Но опять же, кто-то мог случайно составить композицию, в которой оказались цветы со специфическими значением, большая часть которых к тому же была ядовитой.

– Но вы так не думаете.

Шафран перевела дыхание, не зная, как ответить.

– В общем-то, нет. Никто не станет заходить в сад и выбирать гранат или крапиву, когда есть огромный выбор среди более красивых цветов. А если расшифровать их значение с помощью словаря, то этот выбор покажется логичным. Флориография превращает обычный подарок в важное послание.

– Благодарю, мисс Эверли, это... уникальная теория, которая может оказаться полезной.

Инспектор говорил так, будто собирался завершить разговор, но теперь любопытство одолело Шафран пуще преж-

него.

– Инспектор, вы не знаете, была ли какая-то связь между жертвами и цветами?

Он на мгновение замолчал, и Шафран затаила дыхание.

– При вскрытии в организме обеих жертв были обнаружены барбитураты.

– Барбитураты? Как веронал? – Когда они занимались делом Эвансов, Ли рассказал ей о солях барбитуратов и их применении при судорогах, и, само собой, она слышала об успокоительном препарате, известном как веронал. Шафран была уверена, что ее мать употребляла его.

– А также сильный наркотик в теле второй жертвы.

Шафран удивилась:

– Но эти вещества имеют совершенно противоположные эффекты. Наркотик стимулирует, а веронал успокаивает.

– Так и есть, – ответил инспектор. – Пока неясно, связаны ли это с убийствами. Многие люди принимают веронал, чтобы уснуть, а наркотики не так уж сложно достать. Разумеется, употреблять их и уж тем более злоупотреблять ими не стоит. Оба вещества очень опасны.

Не зная, что еще сказать, Шафран произнесла:

– Ясно. Если могу сделать что-то еще, прошу вас, дайте мне знать.

Инспектор Грин поблагодарил ее и повесил трубку.

Шафран медленно шла по тихим коридорам обратно в свой кабинет. Задушить женщину, лишить ее кислорода...

Этот способ убийства был по-настоящему ужасным, даже варварским. Шафран вздрогнула.

Когда она открыла дверь кабинета, то увидела Ли: прислонившись к своему столу, он опутывал своими чарами юную девушку в наряде нежного персикового оттенка. Ее коротко подстриженные рыжие волосы слегка подрагивали, когда она смеялась.

Ли поймал взгляд коллеги и выпрямился.

– Шафран Эверли, позвольте представить вам мисс Лизу Деннис.

– Приятно познакомиться, мисс Деннис, – Шафран вошла и протянула ей руку. Мисс Деннис имела довольно миловидное личико, с надутыми розовыми губками и карими глазами цвета ирисок. Она легонько пожала в ответ руку Шафран.

– Вы родственница доктора Денниса, коллеги доктора Ли?

– О, да, – ответила мисс Деннис тонким голосом, слегка приблизившись к Ли. – Мой дядя преподавал у доктора Ли когда-то давно. Тогда мы впервые и познакомились.

– Недавно он оставил преподавание, чтобы снова заняться медициной, – добавил Ли.

Шафран не смогла скрыть улыбку, когда он посмотрел на нее через плечо Лизы Деннис. Его умоляющая гримаса говорила о том, что за привлекательностью собеседницы скрывается весьма заурядный ум. Ли нравились красивые девушки, но за недалекость ума он высмеивал представителей обоих полов.

– Как мило. Вы тоже интересуетесь медициной?

Мисс Деннис поморщила маленький носик.

– Нет, разумеется, нет. То есть, – поспешила она добавить более любезно, бросив взгляд в сторону Ли, – это ужасно важно и так увлекательно, но я была бы бесполезна в подобных делах. Хотя, конечно, я иногда подрабатываю волонтером в женском совете больницы Святого Томаса, участвую в их торжественных мероприятиях и все такое.

Девушка стояла и смотрела на Шафран, а та в свою очередь не знала, отступить или настоять на том, чтобы мисс Деннис ушла, и тем самым спасти Ли. Ей не очень хотелось ждать, пока гостье надоест неловко улыбаться, поэтому она сказала:

– Приятно было познакомиться, но, боюсь, мне нужно спешить в библиотеку. Нам с доктором Ли предстоит сдавать доклад. – Улыбнувшись Ли чересчур любезно, она спросила: – У вас с собой тот раздел, который мне нужно пересмотреть? Мне бы не хотелось прерывать столь приятную беседу.

Ли передал ей папку с едва уловимой ухмылкой.

– Вы знаете, нам уже пора приступать к заключительной части.

– Я справлюсь с этим сама, а вы можете провести время со своей подругой. – Шафран вышла, весело помахав рукой.

Работа в библиотеке не шла. На смену шуткам Ли пришли мрачные мысли о деле инспектора Грина, и Шафран вновь принялась ломать голову над букетами, хотя ей давно следо-

вало приступить к докладу.

Вернувшись через час, она обнаружила Ли за своим рабочим столом. Прищурившись, он печатал на пишущей машинке.

– Боже, зачем ты печатаешь? Только потратишь хорошую бумагу и чернила! – укорила Шафран.

Ли мрачно посмотрел на нее поверх черно-золотых клавиш «Ундервуда».

– Это был единственный способ заставить мисс Деннис уйти. Она настаивала на том, чтобы остаться и понаблюдать за моей работой.

– Полагаю, она посчитала, что тебе это польстит.

– Так и было бы, если бы я проводил настоящие обходы в больничных палатах или что-то в этом роде. Думаю, от стука клавиш у нее разболелась голова, и она наконец откланялась. – Ли откинулся на спинку стула и празднично потянулся. – Теперь ты вернулась и можешь сама всё напечатать.

– Нет, думаю, тебе стоит продолжить. Полезно для практики. Может, однажды станешь настолько хорош в этом, что сможешь печатать самостоятельно. – Шафран ответила притворно ободряющим голосом. – И вам, доктор Ли, под силу справиться с работой машинистки.

– Боже, не могу дождаться, – пробормотал Ли, уставившись в лист бумаги, торчавший из верхнего отсека пишущей машинки. Он вырвал его и поднес ближе к лицу, чтобы перечитать. – Еще один в мусорное ведро.

– Вероятно, – сказала Шафран, подходя к нему сбоку и давая понять, чтобы он освободил ее стул, – тебе нужны очки, но ты слишком тщеславен, чтобы признать это.

Не двигаясь с места, Ли усмехнулся и сменил тему:

– Как прошел телефонный разговор с инспектором?

В голове снова возник образ женщины с остекленевшим взглядом и пепельно-серой кожей.

– Женщины, получившие цветы, были убиты. Одна была задушена руками или веревкой, второй перекрыли доступ к кислороду, вероятно, подушкой.

Ли встал и оперся бедром о стол.

– И?

Шафран скрестила руки.

– И?! Они были убиты! Кажется, это достаточный повод для грусти!

– Людей убивают каждый день, Эверли. Почему это дело ты принимаешь так близко к сердцу?

– Потому что они были убиты жестоко, а убийца может прямо сейчас преспокойно ходить по улице и выбирать, кому отправить очередной ядовитый букет, а затем убить этого человека. Разве можно не относиться к этому серьезно? – Ли молчал. Взгляды голубых и зеленых глаз пересеклись. – Не каждый может так легкомысленно относиться к смерти, как ты.

Ли принялся задумчиво поглаживать пальцем красный галстук.

– Легкомысленно? Я бы так не сказал... Скорее, с пониманием. Когда видишь смерть так часто и в таких разных ситуациях, то она престаёт быть зловещей, становится обыденной. Все умирают, рано или поздно.

Это была на удивление философская мысль, но Шафран никогда бы не призналась, что так подумала.

– Некоторые способы абсолютно бесчеловечны, и их надо предотвратить.

– Это правда. И что теперь будешь делать?

– В каком смысле?

Ли поднял бровь:

– Для расследования.

– А! – спохватилась Шафран. – Не знаю, могу ли я что-то сделать. Разве что следить за пропажей ядовитых растений по всему городу. Или расспрашивать людей с наркотической зависимостью – может, помогут получить представление о второй жертве.

– С наркотической зависимостью? Вторая жертва умерла от передозировки?

– Нет, но в ее организме нашли разные вещества, в том числе веронал. Она задохнулась.

Ли с отвращением поморщился.

– Вещества? И она не умерла от их смешения? Боже правый! А она регулярно принимала таблетки?

– Не знаю.

– В ее аптечке или ящиках нашли еще что-нибудь?

Шафран нахмурилась, испытывая беспокойство.

– Я не знаю.

– Она была старой, молодой? Замужем? Замешана в скандале?

Вопросы Ли только подчеркивали, что жизнь этой женщины оборвалась внезапно, и у Шафран не было ничего, кроме викторианского толкователя языка цветов, чтобы помочь инспектору Грину найти убийцу.

– Без понятия. Знаю только, что теперь она мертва. – С тяжелым вздохом Шафран опустилась в кресло.

Ли цокнул языком.

– Что вы за детектив, мисс Эверли? В конце концов, к тебе за помощью обратился инспектор. Я уверен, ты бы смогла помочь, если бы знала больше.

Шафран сомневалась в этом.

– Скорее, я бы больше развлекла тебя жуткими подробностями убийств.

– Вряд ли, – ответил Ли, подходя к своему столу. – У меня профессиональный интерес.

– Это как? Думаешь стать судебно-медицинским экспертом?

– Вскрытие за вскрытием и я, растрачивающий свое обаяние на мертвецов? Чем больше ты забиваешь голову такими мыслями, тем больше отвлекаешься от нашей работы.

Шафран сдержалась, чтобы не фыркнуть. Вообще-то в их паре именно она следила за тем, чтобы они не сбивались с

курса, а не наоборот.

– Кто сказал, что инспектор сообщит мне хоть какие-то подробности?

– А ты не пробовала спросить?

Шафран задумалась.

– Вообще-то, он рассказал мне, как умерли жертвы, когда я спросила. Но я не хочу, чтобы он решил, что я сую нос не в свое дело. – Она не стала упоминать, что именно так вела себя в прошлый раз.

– Эверли, – вздохнул Ли, откинувшись на спинку стула, – он попросил тебя проконсультировать его по этому делу. По сути, он открыл для тебя дверь – пора совать нос!

Шафран расслабила напряженную спину и задумалась. В расследовании дела Беркинга и Блейка она проделала неплохую работу, хоть и была совершенно неопытна. Пару раз она принимала глупые решения и теперь точно знала, что надо было сделать иначе. И Ли был прав, инспектор Грин пришел к ней за помощью...

«На этот раз, – подумала она, открывая свежую страницу блокнота, – все кончится иначе, меня не заставят выпить яд под дулом пистолета».

Глава 5

На следующий день Шафран вошла в полицейский участок возле вокзала Кингс-Кросс. Четырехэтажное здание возвышалось над оживленной улицей, каждое окно было украшено тяжелым каменным карнизом, а вход в участок был отмечен искусной резьбой с изображением королевского герба. Внутри подобному шику места не нашлось. Простые плиточные полы истерлись и были испачканы ботинками лондонских полицейских, снующих туда-сюда в темно-синих униформах. Шафран догадывалась, что стены некогда были белыми, но уже давно потускнели до неравномерного серого цвета. Картину дополнял затхлый воздух, пропитанный запахом пота и наполненный низким гулом голосов. Шафран чувствовала себя так, будто вошла в битком набитую пещеру.

Девушка назвала свое имя дежурному, который передал его дальше по веренице полицейских столов за спиной, и заняла свободное место на скамейке у стены прямо у двери. Гадать и размышлять, как отнесется инспектор Грин к ее бесцеремонному предложению о помощи, не пришлось; ее тут же отвлек сидевший рядом с ней пожилой мужчина, который принялся в деталях излагать все жалобы, с которыми он пришел. Шафран успела выслушать лишь четыре из них, когда сержант наконец заговорил:

– Оставь ее в покое, Нед, она не хочет слушать твое нытье, – сказал он с особым говорком, будто только что сошел с поезда, идущего из Корнуолла, и подмигнул ей. – Он здесь каждый день околачивается, все твердит, что наступил конец света.

Шафран слабо улыбнулась. Это был тот самый розовощекий офицер, который был так добр к ней в предыдущие ее визиты в участок.

– Спасибо. – Девушка кивнула ему и обернулась на окликнувший ее знакомый голос; он принадлежал молодому светловолосому сержанту, появившемуся в толпе полицейских. – Здравствуйте, сержант Симпсон!

Хоть его рост значительно превышал минимальное значение, при котором разрешалось носить униформу, персиково-кремового цвет и мальчишеская округлость его лица делали сержанта лет на десять моложе. Юношеское восхищение, с которым он смотрел на инспектора Грина, лишь усиливало это впечатление.

Пока они пробирались через лабиринт столов, Шафран спросила:

– Кто дежурит за стойкой у входа?

– Это Джонсон, мисс, – ответил офицер через плечо, расталкивая локтями кучку одетых в черное полицейских. – Работает здесь уже давно, еще до создания Департамента уголовного розыска. Он пережил все зачистки, вероятно, и меня переживет!

Они вошли в кабинет инспектора.

Стены тесного помещения были заставлены стеллажами с документами, на потолке зияли трещины. На одной стене висела карта; на столе стояла лампа, которую инспектор, похоже, принес из дома для дополнительного освещения. Сам он сидел, сцепив руки, за аккуратно организованным, но явно выдавшем виды столом из красного дерева. Он пригласил ее присесть.

Шафран прочистила внезапно пересохшее горло.

– Женщина, которая была удушена, вторая жертва... – начала она. – У меня... была одна мысль. Ее цветы говорили одновременно об одиночестве и об опасном удовольствии. Похоже на преступление на почве страсти. Мне стало интересно, был ли у этой женщины любовник? – Она была довольна собой, ведь ей удалось задать этот вопрос без смущения, однако строгий взгляд инспектора заставил задуматься, не слишком ли далеко она зашла.

Помедлив, инспектор Грин произнес:

– Ее домочадцы и друзья не распространялись на эту тему, но дали понять, что у нее была связь. Мы пытаемся установить его личность.

– А наркотик?

– Мы нашли доказательства рекреационного¹³, а не медицинского употребления. Ее ближайшие друзья, похоже, раз-

¹³ Рекреационное использование – периодическое, нерегулярное употребление психоактивных веществ разного рода для получения удовольствия и иных целей.

деляют эту привычку.

Наркотики, которые можно было найти на каждом шагу до и во время Первой мировой войны, стали, конечно, явлением более редким, но полностью вытеснены не были, как того хотелось бы правительству. Тем не менее Шафран понятия не имела, легко ли их достать.

– Итак, задохнувшаяся женщина и ее друзья принимают наркотики. Она получает цветы, которые предупреждают о некоем опасном удовольствии. Все сходится. – Было удивительно, что флориография, по-видимому, все же имела отношение к делу. Шафран хмурилась по мере того, как вероятные сценарии развития событий прорастали в ее голове, словно побеги *Phyllostachys edulis*¹⁴. – Но кто убил ее? Разочарованный родственник или друг? Поставщик или любовник? Или мотивы совсем другие?

– Все возможно. Сейчас мы пытаемся установить связь между двумя жертвами.

– Кто эти жертвы?

Инспектор внезапно напрягся. Шафран поспешила продолжить:

– Я думаю, что могла знать кого-то из ее окружения.

Симпсон за ее спиной зашевелился. Шафран сдержала улыбку. Юный офицер не мог похвастаться самообладанием

¹⁴ Листоколосник съедобный (с лат.) – один из самых быстрорастущих видов бамбука. Для бамбуковых характерна большая скорость роста, рекордная скорость зафиксирована именно у этого вида (*Phyllostachys bambusoides*), за сутки выросшего на 120 см (прим. пер.).

инспектора Грина, а потому он только что подтвердил ее догадку. Значит, университет? Или другие связи?

Она продолжила непринужденно:

– Когда я приехала в Лондон несколько лет назад, то довольно быстро обзавелась связями в обществе. Я заочно знала многих дам и их супругов, а моя бабушка, виконтесса Истинг, разумеется, позаботилась о том, чтобы и они знали обо мне. Вполне вероятно, что я могла слышать и имена жертв.

Продолжавшееся молчание инспектора говорило об отказе отвечать на вопрос. Шафран приподнялась со стула и сцепила руки:

– Инспектор, две женщины были убиты. Я знаю, как ведут себя представители высшего класса в таких ситуациях. Они сделают так, что выяснить правду будет трудно, а может и вовсе невозможно. Если я могу помочь, то хотела бы это сделать. Кто они?

После затянувшейся паузы инспектор Грин постучал пальцем по столу, а затем потянулся к карману своего однотонного серого костюма за блокнотом. Перелистнув страницу, он прочитал:

– Первой была задушена миссис Эрин Салливан. Тридцать восемь лет, проживала в Кенсингтоне. Вторая, мисс Бриджет Уильямс, двадцать один год, проживала в Белгравии.

Шафран копалась в своей памяти в надежде вспомнить хоть что-то, но, к своему огорчению, ничего не обнаружила.

Однако отметила, что названные районы были один богаче другого.

— А друзья, которых вы упомянули? Друзья мисс Уильямс?

— Люси Рене Тэлбот, дочь покойного барона Ньютона, мисс Кэролайн Женестьева Эттвуд и мисс Амелия Джейн Грешем.

Ни одно имя не было знакомо Шарфан. Возможно, они просто младше нее, но куда более вероятно, что эти девушки вращались в более низких кругах, чем Шафран. Элизабет, которая росла в условиях роскоши и привилегий, пока ее семья не потеряла свое состояние во время войны, эти имена могли быть знакомы.

— Кем была первая жертва, миссис Салливан? Что она из себя представляла?

— Жена мистера Гордона Салливана, главы Камденской железнодорожной компании. Детей нет, остальные члены семьи жили за городом. Состояла в ряде благотворительных комитетов. — Инспектор добавил язвительно: — Ее друзья рассказывали мне, что она была весьма высокого мнения о себе за свою щедрую деятельность.

Шафран выдержала немало чаепитий и ужинов в компании женщин, которым нечем было заняться, кроме как пытаться управлять жизнями людей, которых они считали ниже себя.

— Но, полагаю, особенно отрицательно никто о ней не вы-

сказывался?

Инспектор Грин покачал головой.

– Думаю, никто не хотел первым бросить камень.

Ее губы подергивались от желания улыбнуться, но она сдержалась, не желая показывать, что не воспринимает это дело всерьез.

– И вы сказали, она была задушена.

Инспектор заерзал на стуле.

– Она была задушена ожерельями, весьма дорогими. Бриллианты, сапфиры, золото и тому подобное.

Шафран моргнула:

– Она была задушена собственными украшениями? – До чего пугающе ужасно! – Может, ее задушили руками, а ожерелья были надеты после?

– Странгуляционные борозды указывают на то, что они были нанесены отрезком тонкого материала. Это может быть мягкий, но прочный материал, например, тонкий шелковый шнур, или плоская цепочка, несколько из которых лежали около жертвы.

– Но разве цепочка не порвалась бы? Если бы миссис Салливан боролась... – Шафран запнулась на полуслове, вздрогнув.

– Барбитурат, который мы нашли в ее крови, скорее всего, не позволил бы ей сопротивляться. – Поерзав на стуле, инспектор продолжил: – Во рту у нее также были найдены драгоценности.

По коже Шафран пробежал холодок, стоило ей представить такую картину.

– Убийца положил их туда?

– Именно так все и выглядит, – ответил инспектор Грин. – Что предполагает наличие сильного личного мотива.

– А еще жертва была ограблена, – добавил Симпсон, стоявший за спиной у Шафран. – Горничная подтвердила, что несколько украшений пропали.

Значит, дело было не только в мести, но и, возможно, в деньгах. Вторая жертва, скорее всего, тоже была обеспеченной, раз жила в Белгравии.

– А мисс Уильямс?

– Судя по всему, она жила сказочной жизнью, – принялся рассказывать инспектор Грин, снова перелистывая страницы в своем блокноте. – Ее отец, Ричард Хаберли Уильямс, умер, когда она была еще маленькой. Мать, Белинда Уильямс, уроженка Беркли, сама была состоятельной женщиной и умерла от гриппа. Мисс Уильямс жила на деньги родителей и, по общему мнению, только и делала, что тратила их.

– Но ничто не связывает этих женщин? – спросила Шафран.

– Пока нет. – Инспектор бросил на нее настороженный взгляд и продолжил: – Итак, мисс Эверли, вы можете запрашивать данную информацию, поскольку официально консультируете полицию, однако вы не имеете права никому ее раскрывать. – Должно быть, выражение вины на ее лице бы-

ло настолько очевидным, что, поджав губы с недовольным видом, инспектор спросил: – Вы уже рассказали кому-то? Надеюсь, не вашей соседке по квартире?

Шафран нахмурилась.

– Нет, только моему коллеге, доктору Майклу Ли. Полагаю, вы встречались с ним в холле университета на днях. Именно он предположил, что у второй жертвы мог быть ухажер. Он никому ничего не расскажет. А если и захочет, то только мне, будет говорить часами напролет.

Инспектор Грин откинулся на стуле, сложив руки на животе.

– Врачи знают о строгом соблюдении конфиденциальности. Просто напомните ему быть осмотрительнее. Я не могу допустить, чтобы вы занимались этим делом, если станете передавать информацию посторонним лицам.

– Я понимаю. – Шафран решительно кивнула. – Как я уже сказала, я лишь хочу помочь.

От ее слов инспектор почувствовал себя еще более неудобно.

– Верно.

Расценив слова инспектора как знак, что ей пора уходить, Шафран встала:

– Если что-нибудь узнаю, то сообщу вам.

– Я не предлагал вам бросать все и заниматься расследованием, мисс Эверли.

– Я понимаю. Но если наткнусь на что-нибудь...

Инспектор насупил брови.

– Я действительно не...

– ...то обязательно сообщу вам. – Шафран поспешила на выход, пока инспектор не высказал очередное предупреждение или вообще не передумал.

Вернувшись в университет, Шафран обнаружила Ли в библиотеке, склонившимся над несколькими большими томами и сонно моргавшего. Дневное тепло не проникало сквозь толстые каменные стены, но воздух казался особенно затхлым и неподвижным.

– Тихий час? – громко спросила Шафран, присаживаясь за длинный деревянный стол.

Ли выпрямился и потер шею.

– Нет, час для книг с более крупным шрифтом. Они будто не хотят, чтобы люди их читали.

Шафран наклонилась вперед и понизила голос, несмотря на то, что в пределах слышимости никого не было.

– Ли, насколько легко в наши дни достать наркотики?

К его чести, столь неожиданный вопрос не поставил его в тупик. Ухмыльнувшись, Ли сказал:

– Либо ты задумала вырастить нечто запрещенное, либо размышляла над этими убийствами.

– Я ходила к инспектору Грину, поделилась с ним своей идеей о флориографии. Он поведал мне больше подробностей о убитой женщине, которая мешала веронал с наркоти-

ком. Сказал, ее друзья тоже употребляли. Разумеется, его не продают всем подряд, как раньше, но ведь он и не исчез. Например, врачи продолжают выписывать его.

– Так и есть и в наши дни за этим следят гораздо тщательнее. Я избегаю его по мере возможности, как в работе, так и в личной жизни. – Вместо того, чтобы похвастать похабными подробностями своих загадочных вечерних увеселений, Ли нахмурил брови медового цвета. Упершись предплечьями в фолиант, над которым засыпал, он продолжил: – Мой отец...

– То есть доктор Ли-старший?

Ли кивнул:

– Старый добрый батюшка. Отец всегда считал, что это ужасный наркотик, потому что он вызывает чертовски сильное привыкание. Когда началась война и все стали покупать маленькие подарочные пакетики с этим веществом, чтобы отправлять их солдатам на фронт, он попросил моего дядю Мэтта вмешаться.

Шафран приподняла одну бровь. Дядя Мэтт, как Ли его непринужденно называл, был не кем иным, как Матиасом Ли, бароном Кармайклом, чье имя гремело по всей Англии как имя одного из богатейших и влиятельнейших политиков. Отец Ли был его младшим братом, и, учитывая, что Ли говорил о своем дяде чаще, чем о родителях, Шафран поняла, что они были довольно близки.

Ли продолжил:

– Отец рассказал ему о вреде этого наркотика, о пробле-

мах, с которыми столкнутся позже важнейшие боевые силы страны. Дядя Мэтт собрал парочку своих приближенных и поднял этот вопрос на Армейском совете¹⁵, и они приняли закон, запрещающий свободное распространение психоактивных веществ во время войны. Убедить совет было нетрудно: они уже видели последствия злоупотребления наркотиком: боли в груди, спутанность сознания, паранойя, даже припадки, не говоря уже об ужасах абстиненции¹⁶. После окончания Первой мировой дядя Мэтт и его друзья продвигали этот закон, чтобы он остался в силе.

– Да, но как его получить сегодня?

– Если бы я тебя не знал... – Шафран нахмурилась, и Ли усмехнулся. – Как получить что-то, в законности чего ты не уверен? Один человек знает кого-то, кто знает кого-то еще. Все зависит от связей, от того, где ты живешь и сколько монет ты готов выложить ради этой привычки.

– Например, кто-то из твоего окружения. Молодой, состоятельный, любит хорошо провести время.

Ли вопросительно поднял бровь:

– Ты слишком опираешься на домыслы.

– Ходит на ужин и танцы два раза в неделю и обычно на следующее утро всем рассказывает, как хорошо провел вре-

¹⁵ Армейский совет был высшим руководящим органом британской армии с момента ее создания в 1904 году.

¹⁶ Абстиненция – добровольный отказ от употребления наркотических веществ, сопровождаемый целым рядом физических и психических расстройств.

мя, – нетерпеливо продолжила Шафран. Именно так Ли поступил накануне после свидания с Лизой Деннис.

– Неужели я уловил укол ревности, дорогая напарница? – Он провел большим пальцем по подбородку в насмешливой задумчивости. – Знаю пару парней, которые с удовольствием покажут тебе, как хорошо провести время, если захочется компании.

Шафран с отвращением подхватила свою сумочку и встала.

– Забудь. Найду кого-нибудь другого, раз уж ты не в состоянии ответить на простой вопрос.

Ли громко рассмеялся, заслужив тем самым обвинительные взгляды от горстки людей, толпившихся у полка. Позабавленный, он понизил голос до шепота:

– И кого же ты собралась расспрашивать о том, как высший свет добывает наркотики?

Шафран открыла было рот, чтобы бросить язвительную реплику, но не успела, поскольку Ли, привстав со стула, схватил ее за запястье, увлекая обратно за стол.

– Будь благоразумна, Эверли. Дай мне больше информации, и посмотрим, что я смогу придумать, идет?

Без особого энтузиазма Шафран вкратце изложила ему факты о двух жертвах и их друзьях.

Ли хмыкнул, скривившись от отвращения.

– Итак, бедная мисс Уильямс дружила с некоторыми знатными людьми, все они употребляли, и в итоге ее задушили

подушкой. Аккуратное решение, не так ли? Это сделал поставщик.

– Возможно. Но в таком случае как это связано с миссис Салливан?

Ли пожал плечами.

– Знаешь, я видел Люси Тэлбот недавно. Не удивлен, что у нее есть пристрастие к деликатному белому веществу, хотя можно предположить, что перекись, которой она осветляет волосы, прилично повредила ее бедный мозг.

– Что ты знаешь о Люси Тэлбот, кроме того, что она блондинка?

– Я не знаю ее лично. Мы посещали одни и те же ужины, я видел ее в нескольких клубах. Довольно высокая, симпатичная. Стремится выгодно устроиться, но насколько я могу судить, не прочь получить удовольствие от поисков. Эттвуд и Грешем... Их имена мне незнакомы. Хотя это еще ни о чем не говорит, я могу знать их лично, и довольно неплохо.

Шафран раздраженно посмотрела на подмигивающего и ухмыляющегося Ли.

– Ты даже не помнишь имен своих трофеев? Хочешь создать впечатление, будто близко знаком с половиной женщин в Англии?

– Покуда речь идет о прекрасной половине, я не возражаю. – Ли снова ей подмигнул. – Могу поспрашивать у себя в клубе. Там знают всех девиц, которые развлекаются до тех пор, пока плохо не кончат. Возможно, они помогут нам най-

ти и поставщика.

Шафран нахмурилась.

– Люди не должны узнать причину нашего интереса, Ли. Сможешь сделать так, чтобы всем не было слишком очевидно, что мы что-то ищем?

– Да, слишком очевидно не будет.

– Дай знать, если что-нибудь выяснишь, – прохладно бросила Шафран, поднимаясь со стула. – Когда поедешь?

Ли закрыл книгу, которую он медленно превращал в подушку.

– Я поспрашиваю сегодня вечером, если хочешь. Но есть вероятность, что придется подождать, пока кто-нибудь не устроит игру в карты или что-то в этом роде.

Довольная, Шафран кивнула:

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста, напарница.

Глава 6

Хотя осенний семестр начинался только в октябре, к началу сентября Университетский колледж Лондона сложно было назвать скучным и тихим местом. Когда после обеда Ли вышел из кабинета, вместо пустых залов его встретил приятный суетливый гомон, эхом отражавшийся от кафельных полов. Профессора – ибо кем еще могли быть эти дряхлые старцы, снующие туда-суда? – и научные сотрудники, представлявшие собой более молодые версии старших коллег, в разной степени ухоженные и хорошо одетые, постепенно возвращались из отпусков.

Учеба доставляла Ли удовольствие, учитывая его склонность к наукам, математике и общению с людьми, поэтому вся эта суета лишь поднимала ему настроение, пока он шел по коридорам университета. Здесь всегда было чем заняться. Когда учеба навевала скуку, всегда находилась целая орава молодых людей, готовых развлечься, было бы желание.

До окончания третьего семестра в конце июня Ли появлялся в кампусе нечасто, поскольку они с Эверли сразу поспешили заняться возросшим из-за начала летнего сезона цветения числом отравлений. Поэтому его не раз останавливали, чтобы поинтересоваться, не новый ли он преподаватель или, что бывало чаще, студент, ошибившийся с датами начала осеннего семестра. И вот сегодня одна из таких бесед

привела к приглашению на чай позже в этот же день.

Недолго покопавшись в библиотеке в медицинских учебниках, Ли нашел ответ на главный вопрос об омежнике шафранном – ядовитом растении, о котором раньше и не слышал, – и летящей походкой вернулся в маленький кабинет, который делил с Эверли.

– Интересные новости, Эверли! – объявил он, войдя в кабинет.

Пыльный запах старых книг и тонкий аромат духов, которыми Эверли пользовалась каждое утро, долетели до него вместе с теплым ветерком, дувшего из открытого за ее спиной окна. Напарница подняла голову, слегка нахмурившись.

За несколько месяцев работы вместе у Шафран Эверли было замечено всего два настроения: энтузиазм и раздражение. Энтузиазм проявлялся всякий раз, когда она видела что-нибудь зеленое: растение или его рисунок. Раздражение, казалось, предназначалось только для Ли. Он находил это невероятно приятным.

Его улыбка перешла в ухмылку, когда он закрыл за собой дверь и машинально снял пиджак. Температура на улице наконец-то снизилась до приемлемой, знаменуя конец знойного лета, но Эверли так и не признала за Ли право устраиваться поудобнее в кабинете, который она так настойчиво считала своим. Накинув пиджак льняного цвета на спинку стула, Ли сел, закинув руки за голову и, заметив, что раздражает напарницу одним своим присутствием, вздохнул от удоволь-

ствия. Ничто так сильно не радовало его – и не раздражало ее, – как возможность подразнить ее новой информацией. На самом деле новости у него были довольно занятные, но он знал Шафран достаточно хорошо и понимал, что стоит ему заикнуться о расследовании убийства, как она тут же потеряет интерес ко всему прочему до конца дня. Девушка выдержала целых пять секунд, после чего отложила в сторону бумаги, которые изучала, и с многострадальным видом спросила:

– Ну, так в чем же дело?

Смакуя язвительность в ее тоне, Ли ответил:

– Нас пригласили на чай.

Удивление на ее лице сменилось настороженностью.

– Кто?

– Небольшая вечеринка для всех сотрудников отдела, вернувшихся с каникул. Фишер-Хейс позвал нас.

– Нас обоих? – подозрительно уточнила Шафран.

Ли махнул рукой.

– Ну, поскольку я там был, а ты – нет...

– Уверена, тебе понравится, – сказала Шафран, возвращаясь к своим бумагам. – Смотри, не злоупотребляй сладким. Доктор Миллер наверняка погрузится в лекцию о достоинствах сахарного тростника и свеклы, которая, стоит ему позволить, утомит тебя до смерти.

– Почему звучит так, будто ты ко мне не присоедилишься?

Шафран перелистнула несколько страниц.

– У меня слишком много дел, нет времени на чаепития.

Боже правый, она будто нарочно хотела, чтобы он ее выводил. Прекрасно, он с радостью.

– Во-первых, это кощунство, и мне стыдно называть тебя англичанкой. Дамочка! Ты и так ходишь по тонкому льду из-за своей необъяснимой привычки пить чай без молока и сахара. Во-вторых, ты тратишь время на чаепития почти каждый день. Только на прошлой неделе в кафе «У Дарби» мы провели полчаса в ожидании, а оказалось, что официантка напрочь о нас забыла.

– Мы работали, пока ждали!

– Спор о правильном способе аннотирования научного доклада – это не работа. Так, прелюдия к чему-то более захватывающему. – Он поиграл бровями.

Шафран покраснела.

– Меня не интересуют твои идеи об... *этом!* Как и чаепитие с остальными сотрудниками.

– Почему нет?

Наступила долгая пауза, Шафран молча сидела, опустив глаза. Наконец она сказала:

– Прекрасно.

Однако тон ее голоса говорил о том, что она скорее согласится стать свидетелем казни, чем пить чай в компании кучки дряхлых стариков. Ли уже давно перестал задаваться вопросом, была ли она заинтересована в том, чтобы привлекать к себе внимание молодых людей, – в основном потому, что

Эверли просто выходила из себя, когда он с ней заигрывал.

Наступил назначенный час, и Ли надел пиджак и поправил галстук. Шафран поднялась из-за стола и последовала за ним на выход.

В коридорах было светло и тепло от непрямых солнечных лучей, прогревавших здание. Ли не раз приходилось замедлять шаг, чтобы его спутница, которая, казалось, нарочно шла по тихим коридорам мелкими шагами, не отставала от него.

Они спустились в подвал, где стоял затхлый и прохладный воздух. Тусклые электрические лампы едва освещали узкий коридор, скудно обставленный мебелью, накрытой белыми простынями, и ящиками, полными векового научного хлама. Ли протянул руку, приглашая Эверли пройти вперед. Шафран, сжав губы в тонкую линию, вжала голову в плечи.

– Я бы сказал, – пробормотал Ли, когда она шагнула к нему, касаясь юбкой его ног, – ты ведешь себя так, будто я на виселицу тебя веду. Это всего лишь чаепитие.

Гул мужских голосов нарастал по мере того, как они приближались к комнате отдыха в конце коридора. Сердце Ли забилось сильнее; ему не терпелось влиться в коллектив и узнать, кто есть кто.

Небольшая комната была обклеена устаревшими картами, диаграммами и научными иллюстрациями, что создавало у Ли впечатление, будто они заглянули в очень скучный учебник. Вокруг прямоугольного стола в центре комнаты толпи-

лось около пятнадцати мужчин. На испещренной царапинами поверхности были расставлены принадлежности неофициального чаепития: несколько глиняных чайников, на которых в некоторых местах виднелись сколы, несколько тарелок с неаппетитными бутербродами и набор простых чашек и блюдец. Жалкое зрелище, но Ли был здесь не ради угощения.

Двое мужчин у входа отступили, когда они вошли, и Ли уловил обрывки разговора.

— ...теперь, когда он у руля, остальным приходится нелегко, — сказал грузный мужчина с пышными усами, которые уже давно вышли из моды.

— Мы знали, что так будет, — ответил ему собеседник средних лет с красным носом. — Я выступал против продвижения декана, но это ничего не изменило.

— А теперь мы вынуждены иметь дело с этим властолюбивым мизантропом. — Прозрачные голубые глаза говорящего скользнули мимо Ли к входу, губы его растянулись в усмешке. — И терпеть его маленькую любимицу.

Гнев этого человека обратил на себя внимание Ли, и он повернулся, чтобы посмотреть, к кому тот обращается, но увидел позади себя только Шафран, стоявшую несколько робко прямо за дверью. Мужчина с красным носом многозначительно хмыкнул, после чего прошаркал к столу, чтобы взять сэндвич.

Ли подошел к Шафран, задорно улыбаясь.

– Эверли, не представишь ли ты меня своим коллегам?

Он ожидал резкого «нет», или вымученного «да», или, в крайнем случае, что она закатит глаза, но девушка просто кивнула и сделала несколько шагов в сторону усатого мужчины.

– Профессор Миллер, – произнесла она, – могу я представить вам моего напарника по исследованию, доктора Майкла Ли?

У Ли сложилось отчетливое впечатление, что, если бы она не представляла ему кого-то, доктор Миллер мог бы вовсе проигнорировать ее. Его взгляд переместился с нее и остановился на Ли.

– Я мало знаком с вашим... исследованием, – медленно растягивал слова он, разглядывая Ли, словно не знал, что о нем думать. Учитывая, что костюм этого человека, скорее всего, появился раньше, чем в песне стали петь «Боже, храни королеву», а не «короля», вполне вероятно, что его внимание привлекли зеленый галстук Ли и нежно-розовая рубашка под бледно-золотым костюмом. Взгляд доктора Миллера снова вернулся к Шафран. – Не знал, что Эстер свел вас с кем-то. Умно с его стороны, дабы убедиться, что дело доведут до конца.

Шафран на мгновение нахмурила брови, но затем успокоилась.

– Доктор Эстер знал, что эта работа принесет много пользы в сфере медицины.

– Действительно, – ответил Миллер столь же незаинтересованно.

Ли не удивило, что Миллер был немногословен с Эверли; она упоминала, что тот был занудой, а минутой ранее он явно обсуждал доктора Эстер. «Властолюбивый мизантроп» – подходящее описание. Он был хладнокровным и, без сомнения, держал весь факультет в ежовых рукавицах. И, справедливости ради, Шафран действительно из кожи вон лезла, безукоризненно следуя его указаниям. Но называть ее любимицей Эстера было некорректно.

Ли вежливо кивнул доктору Миллеру и пробормотал:

– Приятно познакомиться, – после чего легонько подтолкнул Шафран локтем. – Дальше, Эверли.

С каждым знакомством Ли узнавал, что, хоть доктор Миллер и правда был занудой, остальные были ничуть не лучше, судя по тому, как язвительно и неприятно они общались с Шафран. Если бы холодность или откровенная грубость исходили только от пожилых мужчин, Ли мог бы понять. Вступление женщины в их ряды привело в замешательство тех, кто придерживался более традиционных взглядов. Однако и молодые коллеги относились к Эверли с недружелюбным равнодушием, а иногда и с откровенной насмешкой.

– Неудивительно, что Эстера здесь нет, – сказал парень, которого Шафран назвала Клинтоном Макгуайром, обращаясь к кучке молодых исследователей, не потрудившись понизить свой тягучий голос, когда они подошли. Он был высо-

ким и узкоплечим, его янтарно-карие глаза неприятно блеснули. – Обязательно передайте ему наше приветствие, мисс Эверли.

Желание развлечься боролось в Ли с необходимостью не показаться абсолютной задницей перед ее коллегами.

– Во рту пересохло, – сказал тощий мужчина по имени Сайлас Гастрелл, ростом едва выше Эверли. – Будьте так любезны? – Он протянул Шафран чашку с блюдцем.

Шафран моргнуть не успела, руки сами собой поднялись, чтобы взять чашку, как вдруг та ударилась ей о грудь. По белой блузе разлились капли молока, остававшиеся на дне чашки. Ли почувствовал, как улыбка померкла на его губах, когда троица исследователей начала шушукаться.

– О, я понял, – сказал он.

Шафран побледнела, но эти трое смотрели на него в замешательстве.

Сменив тон на более сердечный и дружелюбный и повысив голос, он произнес:

– Полагаю, что у каждого факультета есть свои маленькие ритуалы приветствия. Кембриджский медицинский ничем не отличался. На первом курсе меня заставили поверить, что я должен избавиться от собственного трупа после урока анатомии, представляете? – Он выдавил улыбку. – Приятно осознавать, что на биологическом факультете здесь, в УКЛ¹⁷, не такие уж радикальные обряды посвящения. Однако, бо-

¹⁷ Университетский колледж Лондона.

юсь, Эверли уже далеко не новичок в рядах исследователей. Я здесь временно, это правда, но отказываюсь отдавать титул новенького кому-то другому.

Он выхватил чашку из рук Эверли не без труда, поскольку она крепко вцепилась в нее пальцами, и прошел к столу, чтобы налить чай и молоко. Нарочито поклонившись, он вернул чашку Гастреллу, сопротивляясь желанию расплескать чай по его рубашке.

– Вот, прошу. Не советую в будущем доверять Эверли наполнить вашу чашку. Мы изучаем ядовитые растения, знаете ли.

Гастрелл открыл было рот, но тут же закрыл его, бросив взгляд на Макгуайра. Макгуайр же вместе с другим исследователем, чье имя было слишком длинным и чересчур валлийским¹⁸, чтобы запомнить его, были не единственными, кто наблюдал за этим обменом любезностями. Разговоры поблизости затихли, в их сторону обратились любопытные взгляды.

Ли любезно улыбнулся, а затем, когда никто не заговорил, демонстративно проверил часы на руке.

– Ах, я совсем забыл о времени. Мне пора, – весело сказал он и, быстро пожав каждому руку, сердечно кивнул Эверли и, не говоря больше ни слова, удалился.

¹⁸ Правила чтения в валлийском языке весьма своеобразны, поэтому произнести правильно валлийское имя даже для англоговорящего – довольно трудная задача. В русском языке отсутствуют многие звуки, характерные для валлийского языка.

Не прошло и пяти минут, как Эверли нашла его в кабинете. Она закрыла дверь слишком громко.

– Есть ли какая-то особая причина, по которой ты затащил меня на чаепитие, а потом быстро сбежал? – спросила она, скрестив руки на груди, испачканной чаем.

– Мне показалось, что было самое время убраться, – ответил Ли, положив закладку в учебник, который просматривал. – Какая ужасная крохотная комнатуха. Не понимаю, почему они не переместятся на верхний этаж и сидят в этом старом затхлом подвале.

– Ты посчитал, что самое время убраться? – тихо повторила Шафран, глаза ее потемнели от гнева. – Мог бы найти оправдание для нас обоих уйти оттуда, чтобы мне не пришлось... – Она замолчала. Лицо ее снова стало непроницаемым. Она подошла к своему столу и принялась складывать вещи в сумку.

Ли нетерпеливо вздохнул. Неужели ему придется все ей объяснять?

– Не сердись, Эверли. Хорошо, что я ушел именно тогда. Шафран пробормотала нечто похожее на:

– Может, для *тебя* хорошо.

– Это было к лучшему, – твердо повторил Ли, – для нас обоих. Я хотел пойти только для того, чтобы понять, как работает этот факультет, для твоей же пользы. Когда еще мне выпал бы такой шанс оскорбить твоих коллег ботаников, биологов, энтомологов и прочих знатоков вашей обла-

сти, которые тут ошиваются?

– Это неважно, – ответила Шафран до странности надтреснутым голосом. – Ты видел, что они из себя представляют. Хуже обо мне они уже не подумают, даже если бы ты сказал доктору Миллеру, что его усы – это преступление против верхней губы.

Ли удивленно рассмеялся.

– Да, они довольно неприветливые ребята, это точно.

Ее голубые глаза встретились с его. В них было столько эмоций, нечто столь уязвимое, что, не выдержав, он стиснул зубы. Она смотрела на него не дольше секунды, после чего продолжила загребать вещи в сумку.

Ли вздохнул с отчаянием, после чего попытался выдохнуть это неприятное чувство.

– Эверли, если бы я увел тебя с собой, что бы эти идиоты подумали обо мне? Все они явно имеют к тебе какие-то претензии, а то, что я выступаю в роли белого рыцаря и ограждаю тебя от их грубости, может только подстегнуть их идиотизм и подтолкнуть распустить слухи о том, чем мы тут занимаемся. – Он обвел рукой кабинет.

Наступила долгая пауза. Шафран уставилась на него, и Ли становилось все более неудобно. До чего же нелепо – объясняться. Он знал, что прав, но она вела себя так, будто не понимала этого.

– Спасибо, – наконец произнесла Шафран, медленно и настороженно, словно не доверяя словам, вылетающим из ее

уст. — Я ценю, что ты об этом подумал.

— Всегда пожалуйста, — ответил Ли немного саркастиче-ски. Он не ожидал, что она бросится к нему с благодарно-стью, но услышать чуть больше энтузиазма в ее голосе было бы неплохо. — Могла бы и предупредить меня, что мы идем в осиное гнездо. Не знал, что биологи так не любят работа-ющих в их сфере женщин.

На лице Шафран появился легкий румянец.

— Это не всегда так, но... — Она опустила сумку. — Недав-няя смена руководства вызвала немало недовольства. Фи-нансированием, доктором Эстером и...

— Тобой?

— Да. — От бесчувственной маски на лице его напарницы не осталось и следа, теперь она выглядела несчастной.

— Им не нравится, что женщина продвигается по служеб-ной лестнице в их рядах?

— Женщины в целом — нет. Университетский колледж был одним из первых в стране, куда стали принимать женщин, и многие из них доросли до профессоров и преподавателей. Но молодая девушка без высшего образования — это совсем другое дело. Другие исследователи, даже не ботаники, счи-тают, что Эстер проявил ко мне особое отношение, повысив меня еще до начала обучения в магистратуре.

Ли прикусил губу, стараясь не засмеяться.

— Потому что Эстер явно равнодушен к тебе.

Шафран бросила на него резкий взгляд.

– Явно. – Она открыла рот, чтобы продолжить, но покачала головой и вместо этого наклонилась, чтобы открыть ящик, и принялась складывать вещи в сумку.

– Значит, ты просто избегаешь весь факультет биологии? – спросил Ли, размышляя, не совершил ли он ошибку, подписавшись на полугодовую работу с изгоем из северного крыла.

Не поднимая глаз, она ответила:

– Как только они поймут, что Эстер относится ко мне с тем же холодным расчетом, что и ко всем остальным, надеюсь, они успокоятся. А когда экспедиционная команда вернется из Бразилии, все будут слишком взволнованы, чтобы создавать столько шума вокруг моего назначения. – Она вошла с краем большого атласа, торчавшего из-под стопки папок. – Когда они вернутся, дела пойдут лучше.

В этой истории должно быть что-то еще. Целый отдел ненавидит одну женщину только потому, что она получила повышение? Но для этого и существовали сплетни. Скоро он все выяснит.

– Теперь мы можем перейти к более важным вещам?

– Если только это не новое дело, требующее немедленных действий, я полагаю...

– Дело, но не об отравлении. У меня есть новости об убийствах.

Шафран нетерпеливо спросила:

– Какие новости?

Так-то лучше.

– Я узнала когда и куда Люси Тэлбот и ее друзья любят ходить на танцы.

– И как это поможет? Вряд ли они будут обсуждать убийство во время танцев.

Ли закатил глаза. Он рассчитывал увидеть хоть какое-то волнение от информации, которую ему наконец-то удалось узнать после двух ночей шатания по клубам.

– Наркотики заставляют людей делать странные вещи. Люси Тэлбот и остальные ходят в «Голубую комнату» по средам, чтобы послушать там одну группу. Парни из клуба видели их там.

– Как удачно, что завтра среда. Пойдем?

«Голубая комната» была не тем местом, в котором, по его мнению, Эверли была частым гостем, учитывая его репутацию, но Ли было очень любопытно, что же она подумает, когда окажется там.

– Разумеется!

– Тогда я домой. Завтра во что бы то ни стало нужно закончить тот раздел доклада. У нас есть всего несколько недель, потом вернутся студенты, и в библиотеке работать будет невыносимо.

– Там уже невыносимо. – И поскольку взгляд ее все еще был слегка грустным, он добавил заманчиво: – Не бойся, Эверли, я обязательно буду готов к работе.

Она поморщилась, захлопывая сумку:

– Хорошо. Увидимся завтра.

Довольный, он хихикнул, когда она скрылась за дверью.

– До завтра.

Глава 7

– Нельзя было попросить Ли привести с собой какого-нибудь парня, чтобы я тоже могла пойти с вами? – Элизабет перебирала пальцами с красными ноготочками волосы на плечах Шафран, и та передала ей еще одну заколку. – Компания в таком месте выглядит куда убедительнее, чем просто парочка, знаешь ли.

Шафран не обращала особого внимания на постоянные колкости соседки по квартире, пока та мастерски укладывала волосы в искусственный боб перед зеркалом, установленном на туалетном столике Элизабет. План пойти в «Голубую комнату» привел Элизабет в восторг, а стоило упомянуть про убийства, как подруга практически возликовала, пока Шафран не сообщила, что она не может пойти с ними. Достаточно было и того, что Шафран рассказала ей все о ядовитых букетах, даже если и сделала это только потому, что Элизабет могла знать что-то об убитых женщинах. Подруга была знакома с самыми разными людьми: и с высокопоставленными, и из более низких слоев, и она могла знать что-то или кого-то, имеющее отношение к делу. Но сегодня вечером им нужно было быть как можно незаметнее, а Элизабет никогда этого не умела.

Шафран не хотелось признаваться, что была не только взбудоражена, но и нервничала не меньше. Ей не хотелось

подвести инспектора Грина. Ее знакомство с мисс Уильямс было поверхностным, если так можно выразиться. Большинство молодых девушек, с которыми Шафран познакомилась, когда они с Элизабет только приехали в Лондон, пытались найти себе мужа и не интересовались ее учебой, так же как и она не интересовалась их потенциальными женихами. Элизабет стойко переносила все утомительные ужины и чаепития, пока их не перестали приглашать либо потому, что Шафран оставалась достаточно безразличной к светским мероприятиям, либо потому, что стало известно о внезапно ухудшившемся материальном положении семьи Элизабет.

Шафран никогда бы не подумала, что будет жалеть о том, что оставила эту жизнь позади, даже когда ее бабушка и дедушка угрожали лишить ее финансовой поддержки после того, как она отказалась покинуть университет, а затем, когда она заняла должность ассистента исследователя после окончания учебы, они воплотили свою угрозу в жизнь. Но теперь, когда на горизонте появился убийца из высшего общества, Шафран задумалась, может, стоило попытаться сохранить несколько мостиков, связывающих ее с дворянством, а не сжигать их дотла.

Ее утешало, что Ли все еще был частью этого мира и мог заставить улыбнуться даже самых черствых людей. К тому же они могли просто покинуть клуб, если что-то вдруг пойдет не так.

– Не понимаю, зачем тебе такие длинные волосы, – бор-

мотала Элизабет, расчесывая почти черный локон.

Шафран предпочла проигнорировать старую как мир песенку «подстригись покороче» и приложила к губам самую темную помаду подруги.

– Ну, что думаешь? – спросила Шафран, глядя в зеркало на Элизабет. Она подчеркнула арку купидона¹⁹, сделав губы более пухлыми и округлыми.

Завершив свои манипуляции, Элизабет окинула подругу оценивающим взглядом.

– Думаю, ты бы напугала свою бабушку до чертиков. Но ты все еще похожа на себя. – Она открыла ящик комода и покопалась в нем. – То что нужно!

– Никакого вазелина, – предупредила Шафран. – От него глаза слипаются.

– Это не вазелин, – ответила Элизабет с трагичным вздохом. – С такими ресницами он тебе не нужен. Закрой глаза.

Шафран послушалась подругу, а когда снова посмотрела в зеркало, то увидела, что взгляд ее голубых глаз стал более страстным, что было совершенно непривычно. Темная пудра затемняла ее веки, а когда Элизабет закрепила вокруг ее головы на уровне лба сверкающую, вышитую бисером ленту, она и вовсе себя не узнала. Облаченная в один из возмутительно ярких шелковых халатов Элизабет, она выглядела как кинозвезда в своем будуаре.

¹⁹ Арка купидона (или дуга купидона) – форма губ, при которой линия верхней губы имеет четкое углубление посередине.

– Отличная работа, Элиза!

Та сделала старомодный реверанс. Шафран поднялась и последовала за ней по коридору, а затем поспешила в свою спальню, как вдруг раздался стук в дверь.

Она слышала, как Ли и Элизабет обмениваются колкостями, проходя по коридору в гостиную, и поспешно застегнула платье, которое ей редко доводилось надевать. С тех пор как она приехала в Лондон, этот шёлковый наряд баклажанного цвета был переделан по меньшей мере один раз: к нему добавились марлевые рукава почти такого же цвета, а узкая юбка теперь была чуть ниже колен. Из украшений она надела ожерелье, застегнула черные туфли на каблуках поверх черных чулок. В последний раз посмотрев на себя в зеркало, она увидела иную версию себя, более мрачную и эффектную, не хватало только папиросы и крепкого напитка в руках, облаченных в черные перчатки. Довольная своей маскировкой, она позволила себе щедро плеснуть парфюма «Tabac Blond», который они с Элизабет делили на двоих, и вышла в коридор.

Шафран обнаружила Ли в кресле в гостиной. Его строгий черный пиджак и безупречно белая рубашка совершенно не сочетались с его томной позой. Золотистые волнистые волосы сияли на свету; чуть более темные брови были нахмурены, пока он читал сборник стихов Элизабет.

Шафран присела на край дивана, с любопытством наблюдая за выражением его лица. Элизабет только недавно принесла домой свеженапечатанный томик, который назывался

«Скрытые строки». Они целый час обсуждали название, но в итоге сошлись на том, что стихи были настолько пикантными, что любому, кто приобретет эту книгу, несомненно, придется ее прятать.

– Наслаждаешься поэзией? – непринужденно спросила Шафран, разглаживая юбку.

– Чрезвычайно, – ответил Ли, глядя поверх небольшой книжки полными озорства глазами. Щеки Шафран покрылись румянцем от того, как Ли принялся изучать ее. – Вынужден в этом признаться, знаешь ли.

– В чем – что читаешь стихи? – Он ни за что бы не стал признаваться ей в интересе к непристойной литературе. Наверняка у него самого были такие книги дома.

Ли подмигнул ей.

– Готова идти, Арлетт?

Шафран покраснела пуще прежнего.

– Ли, я не Арлетт Дежуа.

Он поднял бровь.

– В этом стихотворении о розе как-то многовато анатомических – ну, то есть ботанических – деталей, так что вряд ли оно принадлежит кому-то другому. «Бахрома чаши обрамляет росистый цветок»? – Он посмеялся над тем, как неловко она отрицала то, что под псевдонимом Элизабет скрывается она сама. – Но пойдем, поищем вдохновения для новых игривых рифм.

«Голубая комната» находилась на ничем не примечатель-

ной улице в невзрачном районе Элефант-энд-Касл на юге Лондона. Заведение можно было узнать по единственной лампочке синего цвета, висевшей над простой дверью в здании, которое больше напоминало складские помещения для закрытых магазинов, расположенных на другой стороне улицы. В иное время суток, по мнению Шафран, никто бы не заподозрил, что в этих стенах скрывается один из самых известных джаз-клубов Лондона, пользующийся дурной славой, но ночью гул музыки разносился по окрестностям, змеясь сквозь толпы мужчин и женщин, прочно обосновавшихся у дверей лазурного цвета.

Когда они вышли из такси, по телу Шафран пробежала нервная дрожь. Конечно, она и раньше бывала в ночных джазовых клубах – в основном с Элизабет, ближайшей подружкой, – но это место, по слухам, было излюбленным у Элис Даймонд и ее «Сорока слонов»²⁰. Кто-то мог сказать, что у Шафран была тяга к опасностям, ведь она участвовала в расследовании убийства, но пересекаться с женской бандой желания у нее не было.

Пока Ли вел девушку ко входу, она подумала, что могла бы взять несколько уроков у Элис Даймонд – та держала свою шайку в ежовых рукавицах. В последнее время Шафран не помешало бы больше железной хватки. На днях с

²⁰ Элис Даймонд – английская профессиональная преступница, связанная с организованной кражей в магазинах Англии, участница банды «Сорок слонов» (*прим. пер.*).

Макгуайром и его друзьями она была отвратительно пассивна и позволила Ли справиться с ними за нее, так же как позволяла это делать доктору Максвеллу до самого его отъезда. Как она сможет проявить себя на факультете, если при малейшем намеке на конфликт теряется или прячется?

Ли что-то пробормотал крупному мужчине в длинном плаще, стоявшему у двери. Видимо, он знал, что нужно сказать, потому что тот разрешил им пройти, едва взглянув на них.

Темнота, оживленная неистовыми звуками джаза, мгновенно поглотила их. Ли потянул ее за руку в плотно набитую людьми комнату. То небольшое, что было освещено настольными лампами и редкими бра, было лазурного цвета. Танцпол был невидим под толпой людей. На небольшой сцене в передней части зала группа, состоявшая из черных и белых мужчин в синих смокингах, чей талант, к счастью, соответствовал их неистовому рвению, исполняла песню за песней.

Шафран взгляделась в толпу самых разных людей и разглядела платинового цвета волосы, отсвечивавшие голубым. Девушка была выше своей спутницы почти на целую голову. По спине Шафран пробежала дрожь: она соответствовала описанию подружки мисс Уильямс, Люси Тэлбот.

Шафран подтолкнула Ли, и он притянул ее к себе, почти касаясь губами ее уха.

— Какой план?

Казалось, найти друзей жертвы будет куда труднее, поэто-

му плана у нее еще не было. Она прильнула к нему, нос покалывало от цитрусовой пряности его лосьона после бритья.

— Раз уж ты немного знаком с мисс Тэлбот, попробуй потанцевать с ней и завести разговор о мисс Уильямс или наркотическом веществе.

— Точно. — Он выпрямился, поправил черный галстук-бабочку и скользнул в танцующую массу. Шафран внимательно разглядывала лица за столиками, надеясь, что узнает кого-нибудь, и в то же время желая остаться незамеченной.

Голос за спиной заставил ее подпрыгнуть.

— Простите, могу я помочь вам найти кого-нибудь?

Шафран обернулась и обнаружила рядом с собой мужчину в вечернем наряде. Ростом он был, пожалуй, с Ли и вполне мог показаться грузным. Его округлое лицо было совершенно гладким, будто он только что завершил свой утренний туалет, а тонкие светлые волосы, уложенные набок, блестели на свету. Его порядочный вид довольно сильно контрастировал с развратной атмосферой клуба.

Шафран вежливо улыбнулась:

— Нет, благодарю. Я просто ищу свою подругу.

— Может, я смогу провести вас к ней.

Ошеломленная его настойчивостью, Шафран ответила:

— Э-э-э, вы очень добры, но я, пожалуй, проверю, нет ли ее в дамской комнате. Позвольте?

Она и правда отправилась в уборную, размышляя над тем, как бы избавиться от этого гладковыбритого мужчины и при

этом продолжить наблюдать за столиками, не вызывая подозрений.

Как раз когда Шафран решила вернуться на танцпол, в дамскую комнату вошла девушка, которая, по их мнению, и была Люси Тэлбот. Она была высокой и светловолосой, как и предполагалось, с утонченными чертами лица, подчеркнутыми яркой помадой и щедро нанесенными румянами; ее брови двумя тонкими дугами изгибались над большими голубыми глазами. За ней с недовольным выражением лица следовала невысокая черноволосая девушка с густо накрашенными ресницами, темной помадой на губах и в сверкающем изумрудном платье.

– Если и дальше будешь такой занудой, Каро, то лучше уходи, – бросила блондинка через плечо, когда они подошли к зеркалам. Поправив тонкие бретельки своего расшитого бисером платья лососевого цвета, она начала рыться в сумочке.

Каро, вероятно, означало Кэролайн Эттвуд, с волнением поняла Шафран. Не теряя времени, она шагнула вперед и воскликнула:

– Люси, это ты?

Блондинка подняла на нее пустой взгляд, но затем улыбнулась. Она опустила нечто похожее на крошечный старинный флакон духов обратно в сумочку.

– Привет, дорогая!

Они ненадолго взяли за руки, и Шафран взволнованно

сказала:

– Я не видела тебя целую вечность! Какое совпадение! Кажется, мы не встречались с той вечеринки, помнишь?

Длинные черные ресницы затрепетали:

– Ну конечно!

Шафран выжидающе улыбнулась Люси и посмотрела на ее черноволосую подругу, ожидая представления, пока не вспомнила, что Люси понятия не имеет, кто она такая.

– Са... Салли Эверсби, – быстро сказала она, протягивая руку девушке.

Та пожала ей руку, даже через перчатку ее ладонь была вялой и горячей. Она не была красавицей, как Люси, хотя, возможно, нанеси она меньше косметики и убери недовольство с лица, которое сильно искажало ее тонкие черты, показалась бы вполне миловидной.

– Кэролайн Эттвуд, – безразлично ответила она.

– Как поживаешь? Ну надо же, какое совпадение – увидеть тебя здесь, Люси! Часто бываешь в «Голубой комнате»? Я только что вернулась в город, и друг уговорил прийти сюда. Как волнительно, а?

Люси кивнула и снова повернулась к зеркалу, открыв сумочку. Она достала тюбик губной помады.

– О да, мы частенько сюда заходим. Однозначно, лучший джазовый клуб города! Мы ведь любим джаз, правда? – Она подтолкнула свою подругу, которая не потрудилась изобразить энтузиазм.

– Тогда ты просто обязана показать мне лучшие места. Матушка никогда не позволяла мне подолгу гулять. Мне казалось, в этой деревне я просто зачахну! – Шафран надеялась, что намек на владение загородным домом поможет ей в их деле, и не ошиблась.

Люси широко улыбнулась.

– Прекрасно тебя понимаю, милочка! Я вылезла из-под опеки матери сразу, как только смогла. А теперь, Салли, дорогуша, не хочешь пойти с нами за наш столик?

Глава 8

Шафран вслед за Люси и Кэролайн вернулась в освещенный зал и прошла к столику, расположенному на невысоком подиуме вдоль задней стены зала. За большим круглым столом сидел молодой мужчина с удивительно хорошими манерами, встретившийся ей раньше, и разговаривал с другой девушкой.

– Это Салли Эверсби, моя подруга, мы только что встретились внизу. Салли, это Перси Эдвардс, сын графа Лоутона, – представила их Люси, перекрикивая музыку. – И наш дорогой маленький друг Милли. Амелия Грешем.

Амелия на фоне остальных в компании выглядела простушкой: в платье непонятного цвета и без украшений, не считая жемчужных сережек. Ее маленькие глаза и губы были не накрашены, а светлые волосы уложены ниспадающими волнами глубокого бордового цвета. Она лишь скромно кивнула Шафран, а вот мистер Эдвардс, казалось, был рад знакомству. Он встал и слегка поклонился.

– Мисс Эверсби, как приятно наконец узнать ваше имя.

Он предложил ей присесть, но Шафран поняла, что ей нужно найти Ли, которому очевидно так и не удалось пригласить Люси Тэлбот на танец. Извинившись, она пробралась в колышущуюся толпу танцующих. Ли она увидела сразу. Прислонившись к дальней стене, он курил сигарету и раз-

глядывал людей.

— Вот ты где, — сказал он, выпустив дым в сторону, когда она подошла. — Не повезло с Люси. Она исчезла, как раз когда я к ней направлялся.

— Я нашла ее, — ответила Шафран, наклонившись ближе. — Я убедила ее, что мы старые друзья. Наверное, она уже совсем не в себе, раз приняла все за чистую монету. Я только упомянула одну вечеринку, а ее уже понесло, и она пригласила меня за их столик. Идем.

Ли затушил сигарету и пошел следом, но через мгновение втянул ее на танцпол, где они слились с танцующими.

— Забыл спросить, — прошептал он ей на ухо, — что ты сказала им обо мне?

— В каком смысле? — переспросила Шафран, смущенная вопросом и его внезапной близостью.

— Я твой друг или любовник?

Шафран споткнулась, и Ли рассмеялся.

— Что ты им сказала обо мне? Чтобы я ненароком не разрушил твою репутацию. Право, Эверли...

— Я сказала, что мы друзья. Можешь флиртовать сколько угодно.

— Верно. Друзья с детства. Приглашу мисс Тэлбот потанцевать, ладно?

— Да. А я, наверное, попробую потанцевать с тем молодым человеком из их компании. О, и меня зовут Салли Эверсби. Теперь Ли пропустил шаг.

– Салли Эверсби? Мне ни за что не выговорить это с серьезным лицом. Зачем тебе вымышленное имя?

Честно говоря, псевдоним был необходим для защиты как от потенциального убийцы, так и ее доброго имени. Репутация Шафран Эверли могла пережить одно столкновение с преступностью, но танцевать в джаз-клубе вместе с потребителями наркотиков значило навлечь на себя скандал.

– Это показалось мне благоразумным.

Они отделились от толпы и, взявшись за руки, направились к столику. Три пары глаз следили за Ли, пока они поднимались по ступенькам на подиум. Шафран позабавило, что девушки, сидевшие за столиком, тут же выпрямились.

– Это мой друг... – начала она, придумывая имя и для него, но Ли вмешался:

– Доктор Майкл Ли – очень приятно!

Она легонько толкнула его локтем в бок.

– Ли был достаточно любезен, чтобы пригласить меня на танцы сегодня.

– Доктор Ли, рада знакомству, – приветствовала его Люси, протягивая через стол руку в перчатке и жеманно выпятив губы. – Может, присядете с нами?

Остальные также представились. За свежими напитками они погрузились в беседу. Шафран наблюдала за каждым в компании в поисках признаков того, что смерть друга тяготит их, или что они испытывают чувство вины, или что они опьянены не только алкоголем. Они казались вполне нор-

мальными, хотя и немного разобщенными. Собеседники обращались друг к другу по прозвищам, однако Перси Эдвардс всегда был «мистером Эдвардсом». Других джентльменов с ними не было, хотя один подошел к столу, чтобы пригласить Люси на танец, но та вежливо отказалась, взглянув на Ли. Люси и мистер Эдвардс вели беседу, то запинаясь, то на мгновение неловко умолкая, когда казалось, что они расходятся во мнениях, кто же должен вести рассказ, причем Эдвардс порой уводил разговор в неожиданное, казалось бы, ни с чем не связанное русло, что заставляло Люси натянуто улыбаться и нетерпеливо барабанить пальцами по столу. Шафран и Ли старались втереться в доверие, насколько это было возможно. Амелия большую часть времени смотрела на доктора, а Кэролайн, казалось, не хотела ни с кем общаться. Она сидела, слегка ссутулившись, без дела открывая и закрывая кольцо на пальце, в котором за крупным драгоценным камнем виднелось крошечное потайное отделение.

Пока Ли и мистер Эдвардс разговаривали, Люси наклонилась к Шафран:

– Да он просто дамский угодник. Где ты только откопала такого восхитительного мужчину?

Кэролайн, сидевшая рядом с ней, тихонько фыркнула, проглотив свой напиток. Шафран тоскливо улыбнулась ей.

– Мы знаем друг друга с детства. Наши матери были подругами.

– Что ж, дорогуша, если ты не против... – Люси много-

значительно посмотрела на Шафран, и Кэролайн стала еще более мрачной.

Шафран рассмеялась.

– Попробуй счастья! Я все время пытаюсь уговорить его найти достойную пассию. Он очень разборчив, знаешь ли.

Похоже, Люси вызова не боялась. Она поймала взгляд Ли. Он, сделав долгий глоток из своего стакана, пригласил Люси на танец.

Мистер Эдвардс и Амелия погрузились в глубокий разговор о новом предмете, который мужчина приобрел для какой-то коллекции, или так услышала Шафран, связав обрывки, которые она смогла разобрать, поэтому она повернулась к Кэролайн.

– Вы с Люси давно знакомы? – спросила Шафран, потягивая свой напиток – смесь чего-то сладкого и чересчур крепкого.

Кэролайн пожала плечами.

– Давно.

– Мы с Ли старинные друзья. Можешь себе представить: он отпугивает мужчин, но привлекает внимание женщин.

Кэролайн, казалось, слегка смягчилась:

– Мне знакомо это чувство. Люс затмевает нас всех, особенно этими своими волосами.

– Она выглядит очень уверенной.

– А Перси и двух слов не может произнести, не ляпнув что-нибудь нелепое, – продолжила Кэролайн, поморщив

нос. – Он просто задира.

Удивившись ее откровенному негативу, Шафран задорно ответила:

– Но разве не здорово иметь компанию друзей, с которыми можно идти по жизни?

Уголки темных губ Кэролайн дрогнули, но в этот момент мистер Эдвардс спросил, не хочет ли она потанцевать. Шафран чувствовала, что пойти с Эдвардсом и оставить Кэролайн сейчас – неравноценный обмен, но выбора у нее не было и она согласилась.

Они вышли на переполненный танцпол. Эдвардс вел себя слегка необычно на протяжении всего танца. Шафран улыбнулась, желая придумать хороший вопрос, чтобы подтолкнуть его к обсуждению мисс Уильямс или наркотиков. Ничего путного в голову не пришло, поэтому она прибегла к старому доброму способу:

– Джаз так бодрит, вы не находите?

– Боюсь, это не мое. Никак не могу понять его синкопу!²¹
– ответил мистер Эдвардс, задыхаясь, с покрасневшим лицом. Шафран и сама ощущала жар от сотни танцующих тел в непосредственной близости. Пот струйками стекал по спине.

– А что вы предпочитаете?

– Мне нравится что-то более классическое, ну знаете, Блэнд или Коуэн. – Он начал напевать какую-то мелодию, но

²¹ Синокопа – смещение ритмического акцента, в результате которого музыка становится более резкой или более мелодичной.

тут же был прерван пронзительным звуком трубы, и толпа растворилась в чарльстоне. Не чувствуя себя готовой к быстрому танцу с Эдвардсом, Шафран предложила им вернуться за стол.

Вместо того чтобы сесть, Эдвардс встал возле столика, словно охранник, выглядя совершенно неуместно на фоне энергичнодвигающихся людей.

Кэролайн куда-то исчезла, Амелия осталась одна, лениво проводя одной рукой по другой туда-сюда.

Шафран устроилась рядом с ней, обмахивая лицо рукой:
– Группа просто потрясающая! Люси сказала, что вы все часто здесь бываете.

Амелия медленно повернулась и уставилась на Шафран мутным взглядом. Глаза ее слегка остекленели и налились кровью, что было заметно даже при свете цветных ламп. Было ли это результатом употребления наркотиков?

Шафран не спеша снимала перчатки, потягивая каждый пальчик поочередно.

– Ли всегда полон сил. Диву даюсь, как он может работать целый день в такой тяжелой больничной обстановке, а потом приходить сюда и танцевать часами!

Унылый взгляд Амелии блуждал бесцельно.

– Да, работа врача тяжела.

Ее язвительный тон пробудил в Шафран любопытство.

– Ли весельчак, таскает меня за собой до позднего вечера.

Амелия горько улыбнулась:

– Люс и Каро такие же.

– Уверена, у меня и половины их энергии нет. Я даже завидую, – сказала Шафран, надеясь, что Амелия упомянет какое-нибудь эффективное средство.

– Вообще-то уже поздно. Заберу Перси, и поедем домой, – ответила Амелия, подхватывая свою сумку.

– О, я не знала, что вы с мистером Эдвардсом...

– Он просто мой лучший друг. Всегда сопровождает меня, – быстро проговорила Амелия, впервые за вечер проявив эмоции. – Хотя иногда мне кажется, что это я его сопровождаю. Он не особо социально приспособлен.

Шафран вынуждена была согласиться, он казался довольно странным. Хотя Амелию, конечно, тоже нельзя было назвать душевным собеседником.

Через минуту Люси и Ли, раскрасневшиеся и ухмыляющиеся, пошатываясь, покинули танцпол.

Амелия поманила Эдвардса, сказав:

– Перси, нам пора идти.

– Конечно, моя дорогая. – Он поклонился сидевшим за столиком, добавив, обращаясь к Ли: – До встречи, доктор Ли. Было очень приятно, мисс Эверсби. Надеюсь увидеть вас снова.

Шафран улыбнулась ему, затем, принесла свои извинения, они с Ли тоже откланялись и сменили голубой цвет клуба на серый уличный, где поймали кеб.

Когда они благополучно устроились на заднем сиденье такси, Шафран сказала:

– Какая странная компания! Кажется, ничего полезного я не узнала.

Ли, лукаво улыбаясь, потянулся в карман и достал крошечный белый пакетик.

– Зато мне удалось.

Шафран ахнула.

– Это же не... Кто дал тебе его?!

– Когда мы танцевали, я сказал Люси, что хочу чего-нибудь более увеселительного, чем алкоголь, и в следующее мгновение она вложила это в мою ладонь.

Шафран понизила голос, чтобы скрыть свое недоверие за гулом двигателя.

– Ты флиртуешь с девушкой два танца, а она дает тебе наркотики?! Это просто смешно!

Ли задумчиво посмотрел на пакет – яркое белое пятно на фоне темной кабины автомобиля.

– Я болтал о вечеринках, о том о сём, и мне было ужасно скучно. Она пропустила все мимо ушей. Теперь надо выяснить, откуда она это берет. А мистер Эдвардс сказал, что хотел бы больше узнать о моей работе и планирует пригласить меня на обед. – Ли скрестил руки на груди, пытаясь поудобнее устроиться в углу.

– Тогда ты выиграл этот раунд за звание лучшего детектива, – раздраженно ответила Шафран.

– Не кисни, Эверли, – пробормотал он.

– Я и не кисну. Просто хотела получить больше информации от них. Все такие странные. Что-то я не увидела в них обеспокоенности тем, что их друг убит. У каждого какое-то прозвище, но при этом похоже, что особой привязанности между ними нет. Люси, несомненно, сама употребляет наркотики и, видимо, свободно раздает его другим, а Кэролайн явно ей завидует. Амелии, похоже, нравится только мистер Эдвардс, мистер Эдвардс сам – странный тип, и непонятно, связан он с мисс Уильямс или нет. Может, их отношения выглядят такими натянутыми именно потому, что их друга недавно убили... – Она бросила взгляд на Ли, но в мерцающем свете улиц увидела, что его глаза закрыты. Она ткнула его в бок. – Ты попробовал то, что она тебе дала?

– *Пробовал* ли я? – Ли сел и уставился на нее. – С какой стати, черт возьми, стал бы я это делать?

– Чтобы проверить, действительно ли это то вещество, конечно, – ответила Шафран, не обращая внимания на его раздражение. – Ты бы узнал его – подозреваю, тебе приходилось когда-нибудь его прописывать. Значит, как я понимаю, не пробовал.

Его неожиданная вспыльчивость прошла, но голос по-прежнему был резким.

– Нет, не пробовал. Если тебя беспокоит его подлинность, у меня есть друг-химик в университете, он может без лишнего шума его проверить.

– Может, отнесем его инспектору Грину? Если только ты не считаешь, что это подделка. Не хотелось бы тратить его время впустую, – сказала Шафран, неуверенно сдвинув брови.

– Заскочу завтра утром на кафедру химии и все выясню. И потом сможешь отнести это инспектору.

– Если ты уверен, что твой друг не проболтается, то, думаю, можно.

Шафран позволила их разговору на этом закончиться и принялась обдумывать каждое слово, сказанное новыми знакомыми. Их миссия не увенчалась полным успехом, на который она надеялась, но Ли, по крайней мере, что-то добыл.

Ли открыл глаза и нахмурился.

– Так вот почему она так на меня смотрела.

Шафран разразилась смехом.

– Ты же понимаешь, что все за этим столиком пускали на тебя слюни, включая мистера Эдвардса?

– Нет, не так, как обычно. Не так, словно я ответ на их молитвы. Амелия Грешем, должно быть, вспомнила меня.

– Мисс Грешем? Не думаю.

Кеб подъехал к дому Шафран. Теплый свет фонарей на тихой Челси-стрит разбавлялся прохладным сиянием полумесяца, скрытым за облаками. Ли открыл дверь и помог девушке выйти, затем провел ее через тротуар и по лестнице, ведущей к ее квартире.

– Нет, я совершенно уверен, что она узнала меня. Она

медсестра. Работает в больнице Университетского колледжа.

– Правда?

– Я могу ошибаться, конечно. Без чепчика, фартука и всего прочего она выглядела по-другому. Но такая же несчастная.

– Но она дружит с Люси, Кэролайн и мистером Эдвардсом. Из их разговора ясно, что все они обеспечены. Зачем ей работать медсестрой?

Ли пожал плечами.

– Интересно, знают ли ее приятели. Вряд ли бы они обрадовались, узнав, чем она зарабатывает на жизнь. Они не похожи на тех, кто принял бы в свой круг такую заурядную личность.

Поджав губы, Шафран обдумывала сказанное, гадая, что это значит для Салли Эверсби, под именем которой ее теперь знают новые друзья. Больница находилась в двух шагах от университета. Они с Ли бывали там несколько раз в месяц, приносили для анализа образцы растений, привезенных от отравленных жертв, и Ли часто консультировался там с врачами. Амелия не подавала никаких признаков того, что узнала Шафран. Но сможет ли она оставаться неузнаваемой достаточно долго, чтобы выудить информацию из Амелии и остальных?

Ли остановился на верхней ступеньке, нахмурившись, словно изучая арку над дверью.

– Если только не Амелия и поставляет наркотики Люси.

Она могла украсть их из больницы. Я поспрашиваю, когда отнесу пакет на анализ, хорошо? – Он оперся рукой о дверной косяк, глаза заблестели. – Что ж, я чувствую, мы хорошо начали.

– Ты уж точно.

Шафран отперла дверь и подумала, не пригласить ли его войти, чтобы обсудить собранную информацию, но решила не делать этого. Было уже слишком поздно предлагать зайти в гости. Она прочистила горло, чувствуя неловкость от того, что вообще подумала об этом.

– Спасибо за помощь, Ли. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, дружище, – ответил он через плечо, спускаясь по лестнице и садясь в ожидающий кеб.

Глава 9

Ли проснулся на следующее утро, радуясь, что не выпил больше одного бокала в «Голубой комнате». Он ненавидел похмелье, а в его тихой спальне, оформленной в голубых и белых тонах, было практически ослепительно светло. Солнечный свет струился сквозь широкие окна, выходящие на Кавендиш-Сквер-Гарденс – эту особенность своей квартиры он редко ценил. Ли не так часто бывал дома, чтобы успевать наслаждаться видом.

Он перевернулся на спину, укрываясь от яркого света, и взгляд его упал на маленький белый пакетик на прикроватной тумбочке. Вся усталость от позднего возвращения уступила место волнению.

Если быть детективом-любителем так просто, то неудивительно, что Шерлок Холмс имел репутацию успешного сыщика.

Ли сел и провел пальцами по липким прядям своих волос, все еще густо намазанных бриолином с предыдущего вечера. Он поднял пакетик, изучая его, прищурившись от ослепительных солнечных лучей.

Пакет был ничем не примечательного белого цвета, без маркировки, без штампов, запечатанный тонкой линией белого воска. Ли осторожно открыл его. Внутри оказался белый порошок.

Ли нахмурился. Просто возмутительно, что эта банда по доброй воле раздавала наркотики незнакомым людям.

Отец и дядя Маттиас были бы в ярости. Его отец годами прописывал наркотик, но под тщательным наблюдением. Он часто и яро предупреждал Ли о его свойствах, вызывающих привыкание, не желая, чтобы единственный сын, по общему признанию, энергичный и склонный к экспериментам парень, попал под влияние этого белого порошка, растекшегося по улицам Лондона с началом войны. Когда Ли приступил к учебе, у него сложилось собственное мнение о наркотике, и, к его ужасу, оно совпало с мнением отца и дяди.

Используя зажигалку с гравировкой, которую бросил накануне ночью на прикроватную тумбочку, Ли разогрел воск, чтобы запечатать обратно пакетик, и вскочил с кровати – ему не терпелось сделать кое-что еще в этом поразительно быстро набравшем обороты деле, в которое он не имел права вмешиваться. Но от этой мысли было еще труднее удержаться.

Когда час спустя он приехал в университет, тщательно выбритый и в отглаженном костюме, не оставив на себе и следа от прошлой ночи, Ли вошел в кампус химии – неприметное здание, расположенное через улицу от северного крыла.

Расследование дел о наркоторговцах и убийствах вселяло бодрость, подобную тому напряжению, которое он испытывал, когда ему представляли нового пациента. Конечно, это стоило нескольких бессонных ночей. «В особенности, если

Эверли продолжит так одеваться», – с ухмылкой подумал он. Под маской ворчливости и раздражительности да под строгими костюмами из хлопка и шерсти скрывалась весьма привлекательная девушка.

Ли едва успел сделать пару шагов по коридору, как увидел Ромеша Датту, бывшего одноклассника. Как обычно, чересчур короткие рукава рубашки демонстрировали длинные смуглые руки юноши, а толстые стёкла очков увеличивали карие глаза, создавая выражение вечного удивления на его лице.

– Ромеш! До чего кстати – как раз тебя искал, – приветствовал Ли, протягивая однокласснику руку. – Есть минутка? Я хотел бы, чтобы ты кое-что проверил.

Ромеш с энтузиазмом похлопал Ли по руке.

– Звучит интригующе. Я просто вышел подышать воздухом. Ты же помнишь, как здесь мерзко пахнет от всех этих химикатов.

Обменявшись взглядами, юноши улыбнулись. За годы учебы в Кембридже Ли успел втянуть Ромеша во множество неприятностей, включая одну особенно запоминающуюся выходку, когда они смешали несколько веществ, в результате чего образовалась настолько занимательная и разрушительная реакция, что и представить было сложно. Ромеш всегда был одним из самых искренних парней в классе Ли и вечно по уши в работе. Для некоторых из их одноклассников было оскорбительным учиться вместе с индийцем, да-

же если он родился и вырос в Англии, а для Ли оскорбителен был их идиотизм. Они с Ромешем стали друзьями. До чего счастливое совпадение, что они оба оказались в Университетском колледже, да еще и в одно и то же время. Тем более что сейчас Ли нужна была услуга.

Они поднялись на верхние этажи, пока Ромеш радостно болтал о своей невесте, а Ли подшучивал над его предстоящей свадьбой. Перед самым входом в кабинет Ромеш остановился в коридоре и стал рыться в карманах, несомненно, в поисках ключа.

– Ну, что там у тебя для меня?

Ли одарил его извиняющейся улыбкой.

– В общем, Ромеш, я принес тебе пакетик с белым веществом.

Ромеш уронил ключ, который со звоном упал на пол. Огромные глаза в очках растерянно заморгали, и он пробормотал:

– Но зачем?

Ли опустился на колени и, взяв ключ, передал его Ромешу.

– Это долгая история.

Ромеш забрал его и открыл дверь в свою лабораторию. Мензурки, запачканные справочники и бумаги загромождали все пространство, на полках стояли стеклянные банки и бутылки с различными химикатами. Их янтарные и голубые емкости сияли в свете, проникавшем из больших закрытых окон. Ли вопросительно указал на них, и Ромеш вздохнул.

– Я не открываю их, потому что мою работу может залить дождем, если механизм заест. – Он надел свой белый халат и принялся освобождать место на длинной деревянной стойке рядом. – Что я должен искать? Боюсь, я не могу назвать твоё последнее увлечение приемлемым.

Раздраженный тем, что по какой-то непонятной причине многие считали, что он нырнет с головой в кучу белого порошка, Ли сказал:

– Нет, конечно. Друг попросил меня проверить, натуральный ли это наркотик или какая-нибудь ерунда.

– Да брось! Твоя нынешняя пташка хочет, чтобы ты проверил вещество для неё, готов поспорить. Знаю, у тебя вкус на диких штучек, но, боюсь, вынужден протестовать.

– Это и правда всего лишь друг, Ромеш, – ответил Ли. Шафран бы ужасно разозлилась, узнай она, что он раскрыл все своему товарищу, однако у неё не было причин общаться с Ромешем. Ли прекрасно знал, что она презирует химию. Он провел рукой по лицу, подбирая более верные слова: – Моя коллега по исследованию помогает в расследовании и она наткнулась на этот пакет. Она хочет убедиться, что вещество настоящее, прежде чем бить тревогу.

Ромеш поднял голову, в замешательстве снова нахмурил брови.

– Твоя коллега – женщина? И что значит расследование? Полицейское, что ли?

Слегка поморщившись от его недоверчивого тона, Ли

кивнул. Ромеш выпучил глаза и бросил пакет на стол, будто обжегся им.

– Теперь на нем наши отпечатки пальцев!

– Расслабься, старик, а то удар хватит. Я же доктор, помнишь. Мне разрешено иметь с ним дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.